

СМЕНА

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

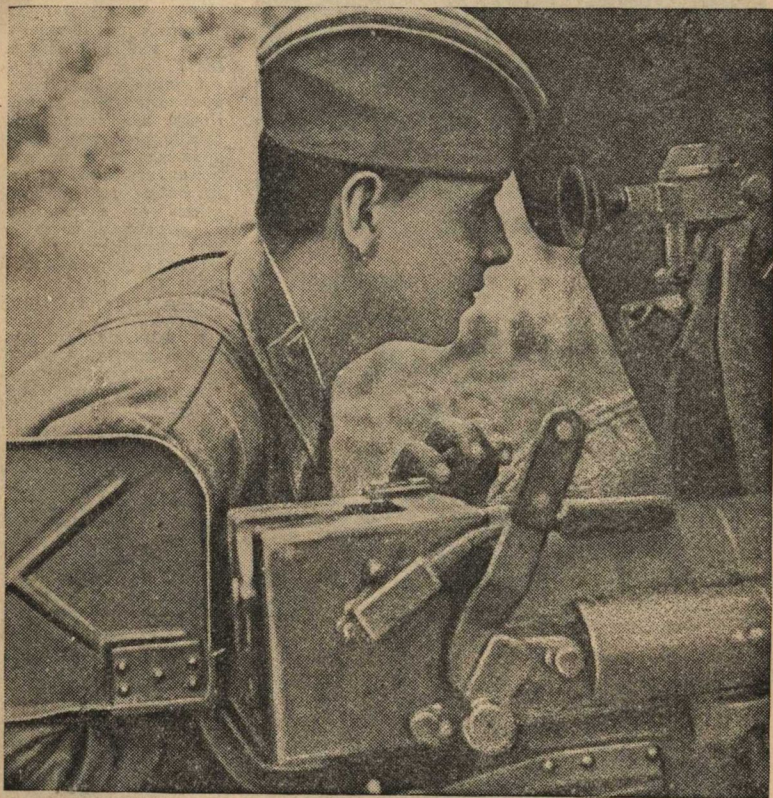

Фото Ник. Соловьева.

*Отличный наводчик противотанкового орудия
комсомолец М. Я. Парновский.*

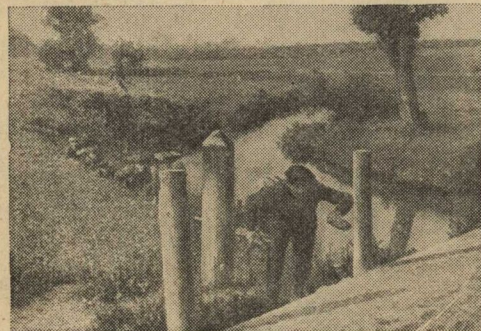
17-18

XVIII ГОД ИЗДАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

В ночном походе

Текст и фото И. Красуцкого

Колонна двинулась в путь в сумерках. Уже далеко остались шумные улицы Москвы, а отряд молодых бойцов—всеобщучеников Куйбышевского района столицы — шел вперед, не сбавляя заданного темпа. И только когда вблизи блеснула левта реки, раздалась команда: «Стой!» Тут же расположились на отдых. Ночью лил дождь. Холодные дождевые капли проникали за ворот, рубашки прилипали к телу. Бойцы слегка поежились от холода, но не обижались на дурную погоду: она как бы входила в программу тренировок.

Рано утром подразделения были уже на ногах. Физкультурная зарядка, завтрак, и отряд приступает к тактическим занятиям по теме «Бой за село».

Группа бойцов — стрелков, минометчиков — заняла оборону по ту сторону речки. на подступах к селу. Подразделение «противника», также поддержанное минометным и пулеметным огнем, ведет наступление, стремясь овладеть населенным пунктом.

— Никаких условий и поблажек не допускать! — напоминает руководитель похода.

Короткими перебежками, маскируясь, бойцы достигают водного рубежа и в одежде бросаются в воду. Река преодолена. Теперь бегом на пригорок — здесь новый оборонительный рубеж (снимки первый и второй). «Сражение» в полном разгаре...

В конце дня участники похода соревновались по бросанию гранат на дальность из различного положения (снимок третий), сдавали нормы по плаванию.

Юные пионеры

Сколько раз, став уже взрослыми людьми, вспоминаем мы золотую пору своего детства! Как будто это было только вчера. Перед глазами встают школа с длинными светлыми коридорами, классы, уставленные ровными шеренгами парт, любимый учитель и первый товарищ, с которыми делились все неудачи и радости.

С особой теплотой вспоминаем мы свой пионерский отряд. Он был нашей первой политической школой. Он научил нас дружить, он открывал нам дорогу в такую большую и таящую в себе столько заманчивого жизнь.

Зимой мы собирались на отрядные сборы. Они были веселые и интересные. Летом мы уезжали в лагерь. Мы были полны самых приятных ожиданий! И не обманывались. Но лету приходил конец. Мы снова возвращались в школу. Она была все такая же приветливая, такая же близкая и родная. Да, родная. Многим из нас школа и пионерский отряд были также близки, как и наш собственный дом. И недаром вожатый отряда заменял нам нередко родного отца или мать.

Так проходили детские годы.

В школе мы вступали во второй период своей жизни: мы становились юношами, и теперь рядом с пионерским галстуком на груди появлялся значок «ВЛКСМ».

Вступление в комсомол было для каждого из нас большим событием жизни. Мы хранили у самого сердца свой комсомольский билет — свидетельство нашей политической зрелости. Мы были счастливы и горды, и жизнь по-новому представляла перед нами, открывая свои широкие горизонты.

Все это — кусочек биографии каждого из нас.

Но именно потому мы не имеем права забывать, что школьные парты, не так давно принадлежавшие нам, сейчас заняты выросшим новым поколением веселых, жизнерадостных, пытливых, таких же, какими были мы сами, ребят. Это будущие граждане нашей страны. Это — наше будущее.

К сожалению, не все комсомольские руководители помнят об этом. Многие комсомольские организации, особенно в период войны, забросили работу среди пионеров, и ЦК ВЛКСМ осудил такие организации и таких комсомольских руководителей.

Война, которую наш народ ведет против немецких захватчиков, вывинула новые задачи перед пионерским движением. Она не сузила, а расширила поле деятельности пионеров. И нечего, как это делают некоторые комсомольские руководители, свое собственное политическое недомыслие прикрывать разговорами о том, что «сейчас не время заниматься пионерами».

Кому дорога судьба нашей родины, кто болеет за ее будущее, кто, наконец, не на словах, а на деле заботится о войнах Красной Армии и их семьях, тот сделает все необходимое для того, чтобы наполнить работу пионерской организации новым содержанием, отвечающим смыслу переживаемых нами событий.

Надо ли говорить, что пионерский отряд должен воспитывать не белоручек, а людей, которые считали бы трудолюбие законом своей жизни? Это должно быть ясно каждому.

Жизнь полна суровой действительности. И тот, кто хочет выйти победителем, когда на его пути встретятся трудности и лишения, должен приучать себя переносить их уже с детства.

Именно поэтому совершенно исключительное значение приобретает военно-физкультурное воспитание юных пионеров. Пионеры должны воспитываться людьми сильными и ловкими, выносливыми и смелыми, которых не остановят никакие преграды, могущие встретиться на их пути.

Наша пионерская организация родилась не сегодня. Она имеет свои славные традиции, свои военные обычаи. Разве не военное начало несут в себе такие атрибуты пионеров, как знамя, барабан, горн? И разве не такое же определенно военное значение имеют клятва юного пионера, салют, пионерская ленточка и пионерская цепочка — понятия, родившиеся в организации юных ленинцев? К сожалению, даже и эти основоположения пионеров нашли себе применение далеко не во всех отрядах и дружинах.

Пионеры должны уметь ходить в строю. Строй дисциплинирует людей, строй приучает к слаженности совместных действий, движений, строй, наконец, приучает к тому, чтобы в военной обстановке быстро и точно выполнять распоряжение командира.

Великий учитель пролетариата Энгельс, которого Маркс за его увлечение военными вопросами называл генералом, говорил о необходимости уметь действовать в строю:

«Какое доверие может иметь солдат на левом фланге к своим товарищам на правом перед лицом неприятеля, если он не будет знать, что они будут заряжать винтовки, делать наизготовку и прицеливаться вместе с ним по одной команде и снова будут готовы совместно с ним открыть стрельбу или броситься в атаку?». «Солдат, который все еще должен порываться в памяти или в уме, чтобы понять, что требует от него поданная команда, принесет батальону больше вреда, чем пользы».

Каждый юный пионер должен помнить эти слова Энгельса и настойчиво учиться ходить в военном строю.

У пионеров надо выработать навыки разведчика. Разведчик — наиболее сметливый и умелый боец. Он бесшумно и незаметно пробирается в стан врага. Его не пугают неожиданности — он идет навстречу им. Хороший разведчик никогда не заблудится в незнакомой обстановке потому, что он прекрасно ориентируется по компасу, по звездам, по солнцу. Он отлично знает карту и безошибочно определяет расстояние наглаз. Разведчик, даже если он один, не смутится и не повернет назад, встретив целую группу врагов. Он вступит в бой с ними и своими меткими выстрелами постарается уничтожить их всех до одного.

Но все это может только человек смелый, решительный, храбрый. Таковы наши разведчики. И такими мы обязаны воспитать пионеров.

Пионеры должны расти сильными, проворными и ловкими людьми. Они могут стать ими, если будут систематически, ежедневно заниматься своим физическим развитием. В пионерской организации должна быть широко разветвленная сеть разнообразных физкультурных кружков: баскетбольных, волейбольных, плавания и многих других. Комсомольцы должны как можно чаще проводить с пионерами увлекательные военно-физкультурные игры, во время которых решались бы нарастающие по своей сложности тактические задачи.

Пионеры должны быть меткими стрелками. Совсем не обязательно для этого сразу начинать учить ребят стрельбе из мелкокалиберной, а тем более из боевой винтовки. Почему бы не начать с упражнений в стрельбе из лука? Дети с захватывающим интересом читают романы Фенимора Купера и Майн-Рида. Их воображение пленяют образы чудесных охотников и воинов. Ребята часто подражают им. Они сами устраивают игры, импровизируя любимых героев. Поддержать этот естественный интерес ребят, чем дальше, тем более сложными делать такие игры, наполнить, наконец, их содержанием бурных событий, переживаемых нами, — такова задача пионерских работников.

Но основой основ военно-физического развития ребят должно быть воспитание пионеров в духе железной военной дисциплины.

Дисциплина — это беспрекословное, точное выполнение присяги, воинского устава, приказов и распоряжений командиров и начальников.

Дисциплина армии — залог ее побед. Чем выше дисциплина в армии, тем армия боеспособней. Чем точнее и быстрее выполняются в армии приказы и распоряжения старших, тем успешнее бывает исход разведки, боя, целой операции. Это закон армии.

Пионеры горячо любят нашу Красную Армию, они страстно хотят походить на ее отважных бойцов и командиров. И они должны знать быть такими, как наши славные воины, — значит никогда не забывать, что дисциплина — это все!

Суровую пору переживает наша страна. На полях сражений решается судьба родины, всего, что потом и кровью было добыто за двадцать пять лет существования нашего государства. В такое время нельзя безразлично относиться к вопросам воспитания подрастающего поколения. И наша обязанность, наш долг — сделать все необходимое для того, чтобы наша смена, наши юные ленинцы, — оказались достойными своей эпохи, своих отцов, своей отчизны.

Князь непобедимый

В. Сафонов

Ледовая победа

Уже Изборске, уже в Пскове были рыцари. Как же радоваться и пировать? Что же медлил Великий Новгород с помощью младшему брату? А он медлил. Гроза до времени рассеялась. «Лучшие люди» занялись своими торговыми делами.

Александр повел себя круто. Снова он потребовал ополчения. И снова заспорил с ним совет «лучших людей».

Ополчение? Да ведь обошлись без него даже тогда, когда Биргер плыл по Неве. Неужто теперь не обойдутся?

Темная, яростная волна поднялась в Александре:

— Кто кричал в совете? Вы, хотевшие откупиться! Вы, собравшиеся с домохозяцами своими идти к свеям с повинной. Не черный люд, а вы, семья презренного боярина Бориса, торопившего тевтонов из Оденле на Водхов!

И Александр приказал дружине схватить и повесить тех, в ком увидел он «семья Бориса».

А вслед за этим посадник явился к Александру:

— Кормишко-то, князь, рассудили мы малость поубавить тебе. Войны ныне нет. Издержки твои тяжки нам. Сам знаешь, какая ноша торговля.

Александр вскочил:

— Тевтонам продаешь Русь! Не пошушу! Не ты — я тут господин!

И услышал вкрадчивый голос:

— Одиа господин у нас: Великий Новгород. Не бывало другого. По обычаю отца твоего хочешь? С паперти черным мужиком кричать хочешь?

И прозвучали те слова, которые запомнил Александр с детства.

Никогда он не думал, что будут эти слова сказаны ему:

— Ты себе, а мы себе.

Переяславль. Валы в два человеческих роста. Топкая вода на дне полусасыпанных рвов. А наверху, на валах, «рубленный город», погоревший во время татарского нападения.

Черные избы. Дворы, заросшие травой. Пусто. Где жители? Убиты? Уведены в плен?

Глушь.

И в этой глуши победитель непобедимого Биргера.

Как и в былые годы, вместе со своей дружиной в «ратной потехе», в рыбной ловле проводил он дни.

Зимой волчьи стаи подходили к городским околицам, занесенным сугробами. Жутко было слышать бездомный вой, видеть мельканье зеленоватых огоньков волчьих глаз... И тот же волчий вой, тот же вой снежных метелей слышен был повсюду вокруг обезлюдевших городов, разоренных псами-рыцарями...

Недобрые слухи долетали в Переяславль. Псы уже были в Тесове и на Луге. Храбро защищались ополчения русских городов. И хотя на битву выходили все: от малых до старых, — малочисленные, разрозненные и слабы были рати. Построившись «свиньей», пробивали немцы русские ряды.

Уже в Копорье стучали топоры: там, в русском городе, строился немецкий бург.

Уже делили дань с новгородских земель римский папа, эзельский епископ Генрих и рыцари.

А в Пскове правил изменник Твердло. Долгими зимними вечерами полыхали деревни под Псковом. Но было мало этого псам-рыцарям: для потехи своей взлезали они на пики младенцев и на глазах у матерей кидали их в огонь. А взрослое население обращали в рабство. Невольникам вели один счет вместе с лошадьми, коровами и прочим скотом.

Продолжение. См. начало в № 15—16 журнала «Смена».

И новгородцы закричали на вече:

— Ярославича в князя!

— Мы—как народ,—сказали в совете и послали во Владимир к Ярославу просить «Ярославича»—только не Александра, а другого—младшего брата, Андрея.

— Едет князь Андрей Ярославич,—объявили народу на вече.

Но не вышло так, как хотел совет. Тысяча голосов закричала:

— Не люб Андрей! Хотим Александра!

Сам владыко—архиепископ новгородский Спиридон—поехал в Переяславль за новым победителем.

Александр не спорил.

Он начал с того, что железной рукой навел порядок в новгородских землях, которым угрожал враг, и отбил Корпоре. А потом властью, беспощадно расправился с предателями, с теми, кто служил, кто готов был служить тевтонам.

С новой стороны узнали новгородцы князя. На этот раз он не бросился очертя голову в поход против рыцарей. Кропотливо, настойчиво готовил он победу. Он собирал рать, о какой не слышано было в Новгороде. Он поджидал подхода суздальских полков и строил крепости. Не легким было это чуть что не годичное выжидание. Он знал, что стонет, кровью исходит русская земля под тевтонской пятой. Он слышал ропот: «Ты ли это, Невский? Так ли ты медлил, идя на Биргера?»

Но он знал также, что предстоит борьба неизмеримо более страшная, чем тогда, на Неве, и надо, чтобы победа была верной. Враг тоже готовился.

Рвы, стены и башни бургов, выстроенных рыцарским войском, были почти неприступны для русских. А для самих рыцарей не было, казалось, неприступных преград. Идя на штурм, они пускали в ход удивительные машины: осадные машины и баллисты—машины метательные.

Но самой замечательной машиной был сам рыцарь. Весь, с головы до пят, был одет в броню, и конь его тоже был броненосный. Правда, тяжелыми были рыцарские доспехи, нелегко было в них двигаться, но зато броня делала рыцаря неуязвимым¹.

Умело пользовались рыцари своей броней. Они строились «железным клином». Острые и бока этого клина составляли одеяние в броню рыцари. Они сминали, надвое рвали ряды противника, и в эту образовавшуюся брешь вливались отряды наемников—кнехтов, рыцарских слуг,—находившихся внутри клина. Вторгнувшись в самую середину неприятельского войска, они довершали разгром его.

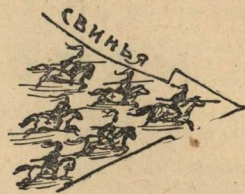
Этот тевтонский «клин» русские называли «немецкой свиньей».

Много раз слышал про «немецкую свинью» Александр. Со страхом все рассказывали о ней. Неужто и вправду нельзя против нее устоять?

¹ В яростной битве того времени между англичанами и французами, где участвовало 900 рыцарей, только трое было убито.

В 30 верстах от Новгорода были немцы. Они могли уже видеть отдаленное сверкающее макушек новгородских церквей. Они торжествовали победу.

Да не дался им в руки Великий Новгород!

Еще не кончилась суровая зима 1241—1242 года, когда Александр выступил в поход. Шла с ним его дружина, шли полки, которые привел сюда из Ростово-суздальской земли его брат Андрей, шли новгородское ополчение, шли ладожане, шли ижорцы и карелы, шли люди племени воль.

Не напрасно целый год ждал Александр, собирая войско: не новгородская рать, но могучая рать. Русь шла теперь против смертельного врага.

Смело и неожиданно пересек Александр дороги, которые вели с запада в Псков. Теперь тевтонам, засевавшим там, не было ни ходу, ни выходу. И русское войско бросилось на штурм города.

Не помогли тевтонам рвы и башни, которые долгие месяцы воздвигали они вокруг древнего русского города. Псков был взят.

Но ни часу лишнего не задержался Александр во Пскове. Не давая врагу передохнуть, он устремился прямо в Ливонию, на немецкие земли. Как в дни Невской битвы, он действовал теперь со стремительной, дерзкой отвагой.

Теперь с русским войском шли и псковичи. Жители тех мест, куда, прогоняя немцев, вступал Александр, брали топоры, вилы, рогатины и присоединялись к его полкам.

Иногда князь с ближними дружинниками останавливался и пропускал войско мимо себя.

Были они пестры, эти полки. Шли витязи в кольчугах и шишаках, с мечами и со щитами. Шли мужики в зипунах.

Было это войско сильное любого, какое собирал в прежние времена Новгород. И все же оно было малочисленнее рыцарского. Раздробленная, разоренная татарами, не могла выпрямиться Русь во весь свой настоящий рост.

А победы еще не было. Самое трудное еще впереди. Это знал Александр. Еще подымется тевтонский кулак, чтобы нанести сокрушительный удар. Князь ждал этого удара, готовился к нему. Удар этот надо умело встретить.

Ранней весной 1242 года, когда соединенные силы рыцарей двинулись прямо на

Новгород, произошла битва, которая заставила военных историков поставить имя Александра в ряд с гениальнейшими полководцами всех времен.

Он угадал и движение врага и направление этого движения и выбрал место встречи.

У Вороньего Камня, там, где Чудское озеро переливается во Псковское озеро, на льду, русская рать ожидала тевтонов.

В субботу 5 апреля 1242 года, на рассвете, Александр увидел со скалы тевтонов.

Широкой полосой чернело на льду рыцарское войско. Тут были и отряды из Швеции, и вооруженные люди епископов, и папская помощь, и наемники из Дании, и все ливонские рыцари со своим магистром фон Балком.

Да, тяжек этот бронированный кулак! Александр оглядел свои полки. Сейчас они примут удар. Слишком мало было их, чтобы сразу ударить самим.

«Принять и сломить», — так решил Александр. И важно, где принять этот удар: не в поле, не в лесу, а на ровном месте, где свободнее и быстрее сможет двигаться тот, кто легче вооружен, где некуда будет тевтонам укрыться, когда охватит их русское войско.

Вот оно, это место! Запорошенное снегом, безграничное пространство озера. «Море Чудское» — так его называли. Его ледяная броня уже потемнела, уже ослабела от весеннего солнца. И об этом подумал Александр. Два войска вступят сюда. Тяжелое, рыцарское, и легкое, русское. Какое войско лучше выдержит весенний лед?

Так пусть же здесь решится судьба Руси!

Он оглядел полки. Он увидел, как на одно какое-то неуловимое мгновение заколебались люди: необычность места, грозная вражеская сила впереди...

— Нашего часа ждала Русь. Клянемся живота не пошадить за родную землю! — крикнул Александр.

п л я т о к

И вдруг необычайный подъем охватил все войско. Могучие, радостные клики прокатились из конца в конец.

— О, князь наш, честный и дорогой!

Ныне приспело время положить нам головы свои за тебя!

Тогда он построил войско.

Он построил его «пятаком» — в форме римской цифры V. Сильная конница на обоих крыльях. А для того, чтобы враг не заметил мешка, пролет между крыльями заняли всigny — несильный, показательный заслон.

Он поставил в самых важных местах лучших военачальников. Его товарищи, герои Невской битвы: и храбрец Сбыслав, и Миша-новгородец, и Гаврило Олексич, и Савва, и Яков-полкованин — были в войске.

Сам князь с отборным отрядом скрылся за Вороньим Камнем.

И вот пришла в движение черная полоса впереди.

Уже слышны топот и передливчатый визг труб.

Быстро росли, приближались всадники. Вот уже видны их копыта, мечи, грузные палицы-булавы, черные кресты, нарисованные на плащах. У тех, кто скакал перед ними, не было лиц. Вместо лиц — железные маски: две узких щели для глаз и прорезь для дыхания. И на шлемах устрашающие украшения: лапы с хищно выпущенными когтями, львиные головы с оскаленной пастью, черные орлы, распростершие крылья.

По льду Чудского моря неудержимо катилась немецкая «свинья».

— Боже, расуди мой спор с этим высокомерным народом! — воскликнул Александр.

И битва началась. Острые железного клина вознзлось в ряды русских, смято слабый заслон. Удар был страшен. «Свинья» надвое резала русское войско...

Из-за Вороньего Камня плохо видно было, что происходит в гуще смертного боя. Только треск копий, только лягз мечей — будто двинулся лед Чудского моря...

— Пора, Ярославич!

— Пожди.

Выдержат? Не дрогнут? Вот, проламывая путь, в самую середину русского войска врезался «железный клин».

— Ярославич! Гибнут наши...

— Пожди.

Кто остался в живых из его товарищей? Кто еще не пал под ударом тяжелой палицы, на холодном, на залитом кровью чудском льду?

— Что ж медлишь, Ярославич?

«Что хоронишься от сечи?» Было ли так сказано, или только подумали так воины, — все равно, слышал Александр такие слова. Слышал в тяжелом дыхании людей, отведенных за Вороний Камень, читал в грозных, налитых кровью глазах под сурово сведенными бровями.

Никогда не хоронился он от сечи. Первым, в первых рядах бился грудь к груди с врагом. А сейчас он не двигался и, стиснув зубы, смотрел туда, где изнемогали люди, которые клялись положить свою голову за него.

Нет, не дрогнули! Нет, не побежали! Крылья «пятака» захлестнули «свинью». Она барахталась в мешке. Она не успела раз-

воротить рану, нанесенную русскому войску, проложить дорогу полчищам кнехтов. Стиснутая с боков, «свинья» оцетилилась рыцарскими копьями. Она остановилась, затопталась на месте. Бронированным всадникам негде было развернуться, а то, что было их так много, стало теперь для них только помехой. Русские удаляясь сшибали их копьями, баграми, стаскивали крючьями с седел, лучники метали оперенными стрелами в щели шлемов, силачи, скинув шапки, распахнув зипуны, глушили обухами рыцарских коней, прирезывали засапожными ножами.

— Время! — коротко бросил Александр.

И рванулись застоявшиеся кони. Свежий, нетронутый отряд вынесся из-за Вороньего Камня.

Теперь князь впереди. Больше нечего было ждать. Все силы надо было теперь бросить на заколебавшиеся веса битвы, чтобы перетянула на этих весах русская чаша!

«Свинья» барахталась в мешке; надо было ее прирезать.

Князь со своими воинами ворвался в рыцарские ряды и смял их так, как вначале они смяли русских.

Больше не было «свиный». Была беспорядочная куча конных и пешех тевтонов.

И они побежали. Они бежали по льду 7 верст, «до Суболичского берега», как говорит летописец. И тут еще раз орадовался

расчет Александра: весенний лед подламывался под тяжкими «живыми крепостями», выдерживая наших всенюг. Холодные воды Чудского озера. «Пейпус озера», как называли его тевтоны, поглотили остатки рыцарей. Много веков лежат там, на дне, страшные и странные металлические скорлупы, набитые илом и человеческими костями.

Это был такой разгром тевтонских рыцарей, какого им еще никогда не приходилось испытывать. Это была одна из самых поразительных побед в мировой военной истории.

5 апреля 1242 года тевтонское войско было целиком истреблено, почти никто не унес ног с Чудского озера.

Сотни кнехтов и пятьдесят знатных рыцарей, магистров, гофмейстеров, епископов, тех, кто похвалялся притащить новгородского князя с веревкой на шею в Ригу, были взяты в плен. Босые шли они подле русских коней в Новгород.

Враг был не подбит, а наголову разбит и отброшен далеко от русской земли.

На льду Чудского озера кончатся «Drang nach Osten». Александр остановил движение немцев на русские земли.

Беликий князь Александр Ярославич

Теперь имя князя Александра стало славным не только в русском народе, но и во всем мире. Иноземные послы с богатыми дарами приезжали в Новгород. Сам папа засылал к Александру кардиналов; они расточали князю безмерные хвалы и в то же время вынюхивали, не примет ли он католичество.

Сам же он, небрежно выслушывая лесть, думал о том, что немало испытаний предстоит еще его родине и нелегкие труды ожидают его самого.

И вот снова собирается князь в дорогу. Старый Ярославич зовет детей во Владимир — проститься. Его требуют ко двору великого хана, в далекую Монголию.

Постарел Ярослав, странно стих; начиная беседу, отводил глаза, будто не здесь был его мысли.

— В согласии... в согласии живите, чада,— скорговоркой, словно с трудом решаюсь сказать то, что давно хотел, проговорил старый князь.

Непривычно было слышать от него такие слова. Сам он мало с кем жил в согласии.

Он уехал и не вернулся. Говорили, что в Монголии мать нового хана, всеильная ханша Туракина, заботливо накормила его

собственноручно приготовленной едой — он прожил после этого только неделю...

Теперь Александр ждал приказа: явиться в орду «за отчей землей». И приказ пришел в 1247 году.

За отчей землей предстоял ему путь, или за угощением ханской матери?

«Народы покорны нам. Ты ли один не покоришься?» — писал Батый из Золотой Орды.

До Новгорода не дошли татары. Но что один Новгород? Вся «отчая земля», Русская земля, лежала, попрежнему разрозненная, под властью монголов. В одиночку не поспоришь с необъятной монгольской империей. Александр понимал: самое важное — уберечь сейчас силы народные от нового монгольского погрома, дать им расти, крепнуть. Придет время — и за каждую слезу, за всю скорбь народную расплатятся ханы!..

Он поехал. Огромный полукощевой город-стан Сарай, вблизи нынешней Астрахани, был батьевой столицей. Домов тут почти не было, тысячи шатров и кибиток раскинулись по степи.

Никто не смел войти к хану, не «очистившись». «Сквозь огонь», между двумя кострами, должен был пройти приезжий, и огонь — так вертели татары — очищал его.

Татары поклонялись огню. Нельзя было поправлять костер копейм или саблей, нельзя было даже доставать ножом мяо из котла, чтобы не поранить огня. И рубить дрова вблизи костра не позволялось: как бы не отрубить огню голову.

Александр знал, что ему предстоит. Сделать два шага между кострами — пустое дело. Но никогда не согласится он на это, не пойдет на унижение, не отступится от веры и обычаев русских, от самой Русской земли.

Что будет потом? Может быть, мучительная смерть? Так бывало уже с русскими князьями, которые отказывались совершить языческий обряд. Пусть! Он не раз глядел в глаза смерти!

Но не случилось ничего. Седоголовый Батый был умен: он сделал исключение для знаменитого новгородского князя.

В шатре, сидя на позолоченном возвышении со старшей из своих жен, он милостиво принял Александра и его брата Андрея, приехавшего вместе с ним.

И вот отправились братья дальше путем отца — из Сарая в Монголию.

Долгим и тягостным было это путешествие в самое сердце Азии — по безводным степям, по выжженным пустыням, через горы и реки, через кочевья и города, обращенные монголами в пепел.

Пока длился их путь, в Каракоруме умер великий хан Гуюк. Братьям пришлось ждать, покуда стал на ханство новый великий хан — Мунке.

Хан дал Андрею ярлык на владимирское княжение, а Александру — на княжение в Киеве и в Новгороде.

Но, вернувшись на родину, Александр не поехал в Киев, а остался в Новгороде.

Там через два года он узнал о судьбе, постигшей его брата: в одиночку пошел Андрей против татар, и татарская рать Неврюя ворвалась во владимирскую землю и снова залила кровью ее, еще не оправившуюся от батыева погрома.

«Андрей, брат! — подумал Александр. — В тяжкую, грозную пору мы живем. Тяжелее служение родине, чем мыслить ты. В ком не кипит кровь? Утишь ее. Стисни зубы. То — горше, и больше силы надо, чтобы до поры стерпеть».

Он снова поехал в Орду. Он уговаривал хана не мстить Руси за Андрея.

Исподволь, не вникая роту, Александр готовил в Новгороде победу над псамярыцарями. А эту победу, победу над игом монголов — ее придется готовить долгие десятилетия, крепя Русь. Еще с новой стороны узнали князя русские люди: осторожным, тщетливым дипломатом, ходатаем за родину.

Он повел долголетнюю игру с огнем.

И выиграл ее.

Сартак, сын Батыя, правивший в Золотой Орде за дряхлого отца, согласился вернуть Андрея на княжение — только не дал ему владимирского стола, а посадил в Суздаль.

В 1252 году Александр стал старшим над русскими князьями — великим князем.

Теперь он был кормчим Русской земли.

Грудным путем пришлось ему вести корабль. Но верил он: выплывет корабль на широкий простор!

Только бы сплотить Русь — в том самое важное, — не дать силзм ее изойти вступую...

Неутомимо шаг за шагом шел Александр по избранному пути и вел по нему страну.

Он выкупал русских пленных из Орды.

Сменялись ханы в Каракоруме: за Чингисом — Угедей, потом Туракина, потом сын ее — Гуюк, потом Мунке. Сменялись ханы в Золотой Орде: Сартак за Батыем, Улагчи, Борке...

И каждый раз заново начинал Александр свою игру с огнем.

Когда на Русь обрушились новые тяжелые поборы, Александр вступил с ханом в спор. Пять лет спорил он и добился своего.

А тут поднялся Новгород. Не испытывавший татарского погрома, он захотел один выступить против хана. «Каждый за себя», — так рассуждали новгородцы.

«Каждый из себя!» — в этом-то и была слабость Руси.

Нет, каждый за всех! Разве Новгород — не Русь?

— Мы Великий Новгород! — отвечали новгородцы.

— Без Руси нет Великого Новгорода.

Властно, сурово Александр смирил новгородцев.

Он вернул туда своего сына, князя Василия, которого отослали новгородцы. А когда через два года снова захотел свойвольный Новгород отделить свою судьбу от остальной Руси и Василий пошел вместе с ним, Александр лишил его княжения.

Но, железной уздой смиряя непокорных, он не выпускал из рук и меча защитника Руси.

Несколько раз он ходил на врагов, пытавшихся переступить русские рубежи, и каждый раз возвращался с победой.

В 1256 году шведы вместе с финнами и норвежцами опять были введены и на реке Нерове стали строить крепость. Но едва только прослышали они, что Александр собирается в поход, поворотили восояси.

Но Александр и бегущих преследовал их. Суровой зимой, по бездорожью он гнал бежавшее вражеское войско и прошел из конца в-конец всю страну Емь (Финляндию). «Был зол путь», — отмечает летопись. Но русские прошли его. Прошли через пустынную страну гранитных скал, еловых лесов, страну, окутанную мраком зимних полярных ночей.

Александр видел: крепнет Русь. Осторожно, терпеливо выбирал он момент, чтобы облегчить татарское иго. И вот он решился: теперь пора.

Бесермене — хивинские купцы — брали на откуп у хана сбор дани и безжалостно выколачивали ее с русских сел и городов.

В 1262 году шла распря между монгольскими ханами. Нельзя было выбрать более удачный момент, чтобы сбросить бесерменнов.

И вот в 1262 году вспыхнуло одновременно во Владимире, Ярославле, Ростове.

Суздале и во многих других городах востане черных людей против бесерменов. Народ мстил им теперь за все свои обиды.

И больше никто не сдерживал народного гнева. Рука Александра сама подымала народ против купцов-сборщиков.

Но и тогда еще не время было вовсе скинуть власть ханов.

В том году тучи снова собрались над нашей землей. Снова у северозападных границ забрали оружием битые ливонские рыцари. Они ждали, что ханская гроза, ханская месть за изгнание бесерменов паразит Русь. А тут еще хан повелел насильно забирать русских ратных людей в свое войско, чтобы вторгнуться в Иран. Казалось, самое время сейчас напасть на Русь.

Не медля ни часа, стал действовать Александр. Он заключил союз с литовским, жмудским и полоцким князьями против немецких рыцарей. Еще раз он добывал победу для Руси.

Но, великий воин, сам он не смог уже повести полки. «Служите сыновю моему, аки самому мне, всем живитом своим», — сказал он дружине.

И поехал, безоружный, в Орду, к неистовствующему хану Берке: в этом «бою» никто не мог заменить Александра.

Тройное кольцо каменных стен не защитило немецкий Дерпт: русские взяли его. Литовцы преследовали немцев в Ливонии.

А тот, кто подготовил эту победу, одерживал в это время в далеком Сарая дружную победу. Он сидел в шатре перед шестидесятилетним человеком с жидкой бородой, с большим желтым неподвижным лицом, с прилизанными, зачесанными за уши волосами и золотым кольцом в ухе — перед хищником из гнезда тех, кто убил его отца, кто терзал его родину. И отвел беду от нее, от родины, — обе беды: избавил ее от ханского мщения и от тяжелых, унижительных военных наборов русских людей в войско поработителей Руси.

Нелегко давалось это гордому, крутому нраву Александра. Самая тяжкая то была служба родине, горькая служба самоотречения, жертва настоящим во имя светлого будущего.

Больной, разбитый, преждевременно состарившийся, возвращался из четвертого

путешествия своего в Орду 43-летний князь. В Нижнем он слег. Потом двинулся дальше. Была бессолнечная, поздняя осень, сало плавало уже по Волге. В Городце Александр слег опять и больше не встал. О его последних часах рассказывают, что он жестоко страдал, но ничем не выдал это окружающим. Он заметил слезы на глазах немногих спутников, бывших в это время с ним.

— Уйдите, — сказал он. — Не сокрушайте сердца моего жалостью!

Он умер 14 ноября 1263 года, мало прожив, но «много потрудившись за землю Русскую, за Новгород, за Псков, и за все великое княжение», как говорит летописец.

Объявляя во Владимире о смерти его, митрополит Кирилл воскликнул:

— Зашло солнце земли русской!

И не нашлось такого уголка на всей Руси, где не скорбели бы о смерти и не знали бы о подвигах того, «кто побеждал всюду, а был непобедим никем».

Его похоронили во Владимире. В 1724 году Петр торжественно перенес его прах в Петербург, в лавру на берегу Невы, названную Александро-Невской.

Сквозь всю жизнь Александра Невского прошла, главенствовала над всеми его мыслями и поступками одна страсть, одна всепокоряющая любовь — любовь к родине. Он был беспощадем — ради нее. Был честолюбив — ради нее. Лукавил — ради нее. Не жалел, смирял себя — ради нее.

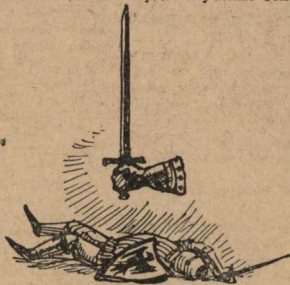
Для нее он не знал дома и семьи.

Для нее, для родины, он не колеблясь, глядел в глаза смерти.

Дети и внуки Александра довершили дело, за которое он боролся. Его внук — московский князь Иван Калита — был собирателем Руси. А правнук — Дмитрий Иванович Донской — разбил орду Мамаю на Куликовом поле.

Прошло 700 лет с тех пор, как жил и боролся за освобождение родины Александр Невский. И мы, отдаленные потомки, с гордостью повторяем его слова, сказанные словно сейчас:

«Но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля».

Конец

БОЙ ДЛИЛСЯ ВОСЕМЬ МИНУТ

Капитан А. Харитонов

ЧТО УЗНАЛ МАЙОР

Оседлав дорогу и укрепившись, немцы решили, что наши части не отважатся нанести им удар в этом месте. Для такой уверенности у них были все основания. Представьте себе узкую, глубоко арезанную в лесную чащу лошину. Вблизи проходит дорога, на которой патрулируют танки. От лощины недалеко засели автоматчики, «кукушки». Надо полагать, что противник надежно спрятал здесь пулеметные гнезда.

Командир отряда вызвал к себе майора Ерохина. Обведя на карте пальцем светло-зеленое пятнышко лощины, он сказал:

— Здесь они меньше всего рассчитывают на наш удар. Поэтому надо атаковать их именно здесь, в лощине. Разведайте получше обстановку.

Майор исчез. Он явился на следующий день, в вечерний час, когда у многих в отряде уже иссякло терпение. Из того, что рассказал майор, можно было составить отчетливое представление не только о силах противника, но и о том, как они могут в любых условиях взаимодействовать друг с другом, сколько и на каких деревьях рас-

сажены «кукушки», где ночуют экипажи семи танков, какова ширина и глубина ближайшей реки, высота деревьев и, наконец, когда приежат кухни. Последнее обстоятельство заняло особое место в донесении майора.

— Заметьте, — докладывал майор, — кухня прибывает ровно в 22 часа. Минут десять уходит на раздачу пищи. К 22 часам 30 минутам с ужином покончено. Немцы снова на своих местах.

Потом майор начертил схему местности и схему расположения огневых точек противника. И снова майор напомнил о кухне, об ужине, который привозят ровно в 22 часа.

— А через полчаса, заметьте, ровно в половине одиннадцатого, выставляются дополнительные караулы.

— Значит? — спросил командир отряда?

— Значит, атаковать надо в 22 часа

10 минут, — ответил майор.

— Пока в котелках не остыла каша? — серьезно спросил командир.

И майор так же серьезно ответил:

— Точно!

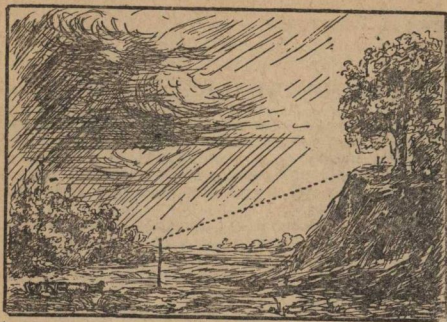
ТРИ ДОРОЖКИ

По расчетам майора, три дорожки, которые вели к лощине, имели 450 метров в длину каждая. Тремя шпелонами должны были пройти по этим дорожкам наши бойцы и в назначенную минуту подползти к лощине. Опоздание грозило срывом атаки. Расчет майора был верен. Все, что находится в первой цепи, могли убедиться, что майор не зря провел сутки в разведке. Отряд в точно назначенную минуту вышел на исходный к атаке рубеж.

Что ж, майор измерял рулеткой лесные дорожки? Высчитывал каждый шаг бойцов? Нет! Он не делал ни того, ни другого. Разведчик всегда ходит обычным красноармейским шагом. Он делает 120 шагов в минуту, причем каждый его шаг одинаков. Перед тем как обследовать лесные дорожки, майор посмотрел на часы. Когда он дошел до лощины, он снова взглянул на циферблат. В пути он был пять минут. Теперь легко вычислить, что, делая в минуту 120 шагов (длина шага—75 сантиметров), он за минуту проходит 90 метров, а за 5 минут—450 метров.

Каждый разведчик твердо знает, сколько его шагов уместятся в 10 метрах, и это помогает ему измерять пройденные расстояния. Для перевода шагов в метры разведчик делает так. Число шагов он делит на число шагов в ста метрах и множит на сто. Например разведчик прошел до дерева 197 шагов. В 100 метрах укладывается 65 шагов. 197 он делит на 65. Получается 3 и в остатке 2. Такой незначительный остаток он отбрасывает, а полученное частное 3 множит на 100. До дерева 300 метров.

Пулеметчиков, по указанию майора, командир отряда направил во фланги противника. Они должны были вместе с автоматчиками открыть массированный огонь по всему фронту атаки. Но для этого пулеметчики должны были выйти на назначенные им рубежи тоже в точно назначенное время. Между тем их путь был нелегок.

Когда майор начертил схему местности, он не забыл отметить крестом на левом фланге противника возвышенность. Под ней он поставил две цифры — высоту. Дальше шла небольшая извилистая речушка. Над ней майор поставил уже четыре цифры. Первые две обозначали ширину реки, вторые две — быстроту ее течения.

Майор все разузнал, все разведал, изучил и измерил. Но, как опытный разведчик, он не тратил на это много времени. Для измерений высоты холма, например, он не пользовался ни специальным инструментом, ни помощью своих бойцов.

— Я только отлично помнил одну из глав романа Жюль Верна «Тайственный остров», — ответил майор на все наши вопросы.

Мы поспешили перелистать этот роман, столько раз читанный в дни юности. Когда путешественники выбросились из воздушного шара на остров, им надо было измерить высоту гранитной скалы:

«Инженер вооружился прямым шестом футов в двенадцать длиной...

Примерно в двадцати футах от края бе-

рега и в пятистах футах от отвесной гранитной стены Сайрес Смит погрузил шест на два фута в песок... После этого он отошел на такое расстояние, чтобы луч зрения, исходящий из его глаза, одновременно касался верхнего конца шеста и гребня стены. Сайрес Смит тщательно отмерил эту точку колышком и потом спросил Харберта:

— Помнишь ли ты, каковы свойства подобных треугольников?

— Да Их соответственные стороны пропорциональны.

— Ну так вот, дитя мое, я сейчас построил два подобных прямоугольных треугольника. Катетами меньшего являются отвесный шест и расстояние от его основания до колышка, а гипотенузой — мой луч зрения. Катетами второго, большего треугольника являются отвесная стена, высоту которой нам предстоит измерить, и расстояние от подножия стены до колышка; гипотенузой его служит опять-таки мой луч зрения, то есть продолжение первой гипотенузы треугольника.

— Теперь я понимаю, мистер Сайрес! — воскликнул Харберт. — Расстояние от колышка до шеста так же относится к расстоянию от колышка до стены, как высота шеста к высоте этой стены.

— Совершенно верно — ответил инженер. — Высота шеста нам известна, и, когда мы измерим два первых расстояния, останется только вычислить пропорцию, чтобы получить высоту стены. Таким образом, не придется измерять ее непосредственно.

Оба горизонтальные расстояния были измерены: меньшее равнялось 15 футам, большее — 50 футам.

По окончании измерений инженер составил следующую запись:

$$\frac{15}{500} = \frac{10}{x}; \quad x = \frac{500 \cdot 10}{15} = 333,3.$$

Высота гранитной стены равнялась 333 футам...

„СПОСОБ НАПОЛЕОНА“

Способ измерения скалы прост и удобен. Но не измерял же майор ширину реки тем же приемом? В данном случае нет, но вообще жюльверновский способ измерений применим и для реки. Майор прибег к более простому, но менее точному способу. По преданию, им пользовался Наполеон, и поэтому его называют «способ Наполеона».

Майор подошел к самому краю берега и стал смотреть на противоположную сторону реки. Причем фуражку он нагнув на глаза так, что из-под козырька ему была видна только узенькая линия другого берега —

край воды. Не меняя положения головы, майор повернулся на каблуках и отметил на земле самую дальнюю точку, которая была ему видна из-под козырька. Затем майору осталось только отметить шагами расстояние до этой точки, а это и была ширина реки.

Предвидел майор еще одно обстоятельство. Когда с нашей стороны рванется на немцев огненный смерч, фашисты могут побежать к речке, переправиться через нее по мосткам и взорвать их. Ярость атаки понесет наших бойцов вперед. Смогут ли

они преодолеть эту водную преграду? Не чрезмерно ли велика скорость течения реки?

Чтобы все это выяснить, майор вблел на берегу реки колышек, отмерил от него 100 метров и вбил второй колышек. Возле первого колышка он бросил в реку кусок дерева. С часами в руках майор проследил, сколько секунд пройдет, пока деревяшка доплывет до второго колышка. Затем он разделил расстояние (100 метров) на количество секунд и узнал скорость течения реки. Нет, она не могла служить препятствием для наступления.

Ровно в 22 часа 10 минут началась атака. Внезапный удара, уверенные действия бойцов, точно знавших местность, и железная сила огня продолжили отряду путь вперед. Никто из немецкого заслона на дороге не уцелел, ни один из гитлеровцев не успел перескочить по мосткам на тот берег реки.

Когда закончился яростный и скоротечный бой, командир взглянул на часы. Было 22 часа 18 минут.

Восемь минут длился бой, подготовленный умелой, тщательной разведкой.

Долго ли живет винтовка?

«Странный вопрос! — скажете вы. — Винтовка может жить десятки лет».

Да, если она висит на стене без употребления. Но продолжительность жизни механизма определяется временем его работы. И здесь выясняются любопытные вещи.

Винтовка рассчитана на 30 тысяч выстрелов. В момент выстрела все ее части испытывают огромное напряжение; материал винтовки выдерживает чудовищное давление, равное почти 3 тысячам атмосфер. Во избежание несчастных случаев при стрельбе винтовка строится с расчетом на давление в 5500 атмосфер; учитывается так называемый запас прочности, составляющий 2500 атмосфер.

Известно, что температура горения пороха в патроне доходит до 2500—3000 градусов. Таким образом, материалу винтовки наряду с давлением приходится еще

выдерживать и жар, в 3—4 раза превышающий температуру пламени прикуса и почти в 2 раза — температуру плавления стали. Если ствол винтовки не расплавляется, то потому лишь, что выстрел продолжается ничтожно малый промежуток времени.

Каждый выстрел, как мы уже знаем, продолжается 0,0015 секунды, а винтовка может сделать 30 тысяч выстрелов. Значит, продолжительность ее жизни — 45 секунд!

Может быть, пушка при ее большой величине более живуча, чем винтовка? Посмотрим.

76-миллиметровая пушка обладает чудовищной мощностью — в 260 тысяч лошадиных сил.

Для сравнения укажем, что мощность Загезурской гидроэлектростанции в Армении составляет около 130 тысяч лошадиных сил. Нужна работа двух таких

станций, чтобы на короткое время создать мощность, необходимую для выстрела из 76-миллиметровой пушки.

Какова же продолжительность жизни такой пушки? И здесь цифры неутешительны. Продолжительность выстрела — 0,006 секунды, а пушка рассчитана примерно на 10 тысяч выстрелов. Умножение показывает, что пушка живет одну минуту. После этого она нуждается в ремонте, ствол ее необходимо заменить. У многих пушек ствол нецельный: внутрь вставляется тонкостенная труба — лейнер. Когда лейнер изнашивается, достаточно поставить новый: это стоит дешево и делается быстро.

Особенно коротка жизнь сверхдальнобойного орудия, посылающего снаряды в тонну весом за много десятков километров. Такое орудие может сделать 50—100 выстрелов, и его жизнь длится всего 2—3 секунды.

Старуха

Рассказ

Л. Успенский

Рис. А. Брея

Если бы не его латышское упрямство, старший политрук Вальде, несомненно, погиб бы. Ранение не было тяжелым. Но снаряд долнул очень близко. Ему опалило волосы и, очевидно, изрядно контузило. Полз он, теперь примерно по сто метров в час, и, когда поднимал из клевера непослушную, словно чужую голову, церковь и листовое гнездо на березе возле колокольни казались все такими же бесконечно далекими.

Особенно опасаться встречи с немцами не приходилось; он знал, что в окрестных лесах могли оказаться только случайные группы автоматчиков: фронт передвинулся севернее. Ему было так же хорошо известно: через двое или трое суток наши должны были нанести именно в этом направлении могучий контрудар. Следовательно, надо было только во что бы то ни стало поддерживать, прожить до прихода своих.

«Я как улитка буду ползати!»—думал Вальде в полубреду, минув густую чашу переплетенного розовой повилки клевера.—Я и есть улитка, только без этой... без скорлупы... Ну, ничего, Вальде! Твоя скорлупка есть у тебя внутри... Это твоя злость, твоя старая ненависть. Ничего... Ползи!»

Очень долго он переползал канаву в густой крапиве. Надо было сначала бережно опустить в нее, потом переложить на другой берег раненую ногу. Надо было перенести через этот вязкий и мокрый ров все свое разбитое взрывной волной тело. Надо было произвести—это подсчитал, лихорадя от гнилой сырости, Вальде—около ста килограммометров работы. Его четырехлетний

Ромка перемахнул бы через такую канаву одним прыжком. А он полз через нее минут восемь. Да, восемь минут с секундами... Вот они, часы...

И попробуйте-ка потом пробиваться бритой головой, голыми руками сквозь бесконечный лес крапивных стеблей! Жжет проклятая, точно она в союзе с немцами! Ничего не видишь, казалось бы ни о чем не думаешь, кроме одного: доползти; а вместе с тем замечаешь все, всякую чушь: ранний нарост какой-то болезни на одном стебле; красиво—зелено-бурых гусениц, облепивших второй; белые крошечные поганки, вылезающие из жирной почвы крапивных джунглей...

За крапивой был забор, вернее плетень, основательно устроенный, плотный. Поверишь, чорт возьми, какое это—непреодолимое препятствие для собаки или козы... Как это говорил Ромочка: «Папа, почему собака, когда бежит, она тогда лежит?» Вот и я теперь так!

Вальде долго лежал, упершись в этот плетень; еле двигая рукой, по одному прыжку он прогрызал в нем лаз, отверстие, нору. Да, часы показывали уже без семи минут шесть! Надо было торопиться... С мучительным трудом он протиснулся в проделанную дыру; осторожно, чтобы, боже сохрани, не зацепить за что-нибудь изготовленной к бою ручной гранатой: граната последняя! Граната—единственный выход, в случае если немцы... Ой!

Зацепившись ремнем автомата за хворост, он задел ногой за сук плетня. Острая боль опрокинула его навзничь. Он потерял сознание. Но вслед за тем он открыл глаза от

Вальде долго переползал канаву в густой крапиве.

легкого прикосновения чьей-то руки. Очень старая женщина наклонилась над ним, пытаясь разбудить, привести в чувство. Седые волосы ее трепал ветер. Лицо, вероятно, когда-то было красиво; сверху на Вальде смотрели большие, умные, очень темные старые глаза. Политрук пошевелился. Он с благодарностью почувствовал, что теперь его нога перевязана.

— Ох, спасибо, мать! Спасибо!— пробормотал он.— Эх, как бы теперь... до дому добраться. Вон до этого! А Немцев-то у вас нет?

Старая женщина не ответила ничего. Но она внезапно откуда-то из-за спины достала костыль—обыкновенный старый костыль, очевидно, много лет бывший в употреблении. Тонкие и старые черты ее смуглого, словно бы цыганского лица выразили мучительную заботу. Странно жестикулируя, она приглашала раненого встать, опереться на костыль, попытаться идти за нею. Это удивило Вальде. «Эстонка?»—подумал он и начал следующую фразу по-эстонски. Старуха с досадой замотала седой головой. «Латышка».—предположил политрук, переходя на родной язык. Но женщина бросила нетерпеливое гортанное «а». Одной рукой суя раненому костыль, другой показывала она на свой рот, на уши, опять на рот.

— Фью!—не удержавшись, свистнул Вальде.—Глухонемая! Вот так штука! Ну тем более, тем более, спасибо, мать! Сейчас я как-нибудь... Надо самосильно постараться!..

В половине восьмого вечера старший политрук—старый моряк Вальде—блаженно вытянулся на застланном чистым рядном сене в глубоком подвале хорошего, крепкого дома селенья В. Он не имел силы вдмываться в свое положение. Он заметил, когда шел, только одно: в селе царила гробовая тишина, никого в нем не было. Чуть зримый луч света проникал теперь через заслоненную снаружи листьями лопуха щель. Он приносил с собой зеленоватый полумрак, легкую свежесть вечера, отдаленное шелканье аиста наверху. В подвале было прохладно. Пахло яблоками и ветчиной. Протянув руку, политрук рядом со своим ложем нащупал около десятка крупных продолговатых белых нализов. Он жадно впился зубами в кисло-сладкий, сочный плод. «Какая чудная старая матушка!—с благодарностью подумал он.—Но как, однако, хочется спать!..» И он заснул, точно упав в обморок, наглухо.

Надо думать, что проснулся он утром. Там, где вчера лежали яблоки, стояла теперь чашка с молоком. Приятно пахли два больших ломтя хлеба. Свет в щели был веселый, ясней, чем вчера. Вальде осторожно придвинул к себе чашку. Молоко отывало барашком, видно, было козьим. Поев, он достал из кармана папиросы, закурил и вдруг вздрогнул: «А где граната? Где «пепедэ»?..» Но секунду спустя гладенький приклад автомата прощупался под изголовьем. Разряженная граната тоже была там; очевидно, он сам в полузабытн снял ее вчера с пояса и спрятал. Тогда, откинув-

шись на подушку, он стал уже спокойно курить, минуту за минутой перебирая в голове все, что произошло вчера на опушке леса.

Правильно ли поступил тогда он, Вальде, ввязавшись в этот бой? Нет, видимо, правильно. Верно, неизвестно, живы ли Перетерский и Шатунов, но, во всяком случае, он сделал все, что было можно, чтобы прикрыть их отход. А они в свою очередь позволили ядру отряда и штабу спокойно перебраться через мост и перевести с собой самое важное—захваченных пленных. Нет, он поступил правильно, хорошо... И огонь был славный (политрук засмеялся); подвели орудие, дураки... из пушки по трем разведчикам! А все же, если бы не этот проклятый снаряд (политрук нахмурился), все было бы отлично, совсем хорошо... Они бы все ушли...

Он лежал и курил. Он думал. Думал долго, о многом. Сначала он пытался сообразить свое положение: «Что еще остается сделать для себя, для своего спасения?» Потом пришло в голову: «Тогда что сделать еще ничего нельзя, да, пожалуй, и не нужно... Кругом—тишина. Очевидно, в селенье нет ни наших, ни немцев. Надо выждать, окрепнуть по возможности, а потом...»

Он долго думал о старухе, пришедшей к нему на помощь в самый неожиданный момент. Потом—он уже сейчас чувствовал это—будет казаться особенно странным, что его спасла глухонемая. Какие все же замечательные люди есть у нас! Есть, конечно, еще не мало полдецов, но какая поднимается вокруг волна героизма! Глухонемая! Старая. Похожа на цыганку. Кто она? Почему осталась здесь? Чей это дом? Узнает ли это когда-нибудь или нет?

В зеленовато-сыром сумраке время текло медленно. На часы ему не хотелось смотреть: зачем? На некоторое время он вызвал перед собою в воображении карту Советского Союза, провел по ней линию фронтов... Как развернутся события дальше? Что будет со всеми нами в будущем году в эти дни? Я бы, пожалуй, сделал так...

Потом перед ним возникла круглая стриженная голова Ромочки-сыннишки. Ромочка стоял в морской воде, и босые ножки его смешно преломлялись в ней. «Ромочка, кто твой папа?»—спрашивали его. «Папа—моряк!»—строго отвечал Ромочка. «А ты сам кто?» «Я морячок!»—еще суровее говорил мальчуган. Ах, сыночек, сыночек!..

Старший политрук Вальде снова заснул. Он проснулся от внезапного и резкого испуга. Да, да. Ему не послышалось.

— Wo sind diese Gemüe, Kurti? (Где эти овощи, Курт?)—спрашивал совсем недалеко от него спокойный голос.

— Господин батальонный командир приказал изготовить для него русскую болтушку... Как ее? Какое-то чорвого название? «Оск-госч-ка?» Старая, наверное, сумеет приготовить это. А нет, так Гарри ее научит... револьвером...

Политрук Вальде сел на своем сенном ложе, опершись спиной о холодный кирпич

фундамента. Автомат? Да, рычажок на «очередь». Где граната? Вот она тут! Войти они могут только в дверь. Это хорошо: сеник лежит точно против двери. Даже если наступит ночь—ночи еще светлые сейчас,—дверь будет видна. Чорт, как досадно, что он не запомнил входа; как он выглядит снаружи? Он весь в кустах бузины, его не видно. Вот и все.

От недавней тишины ничего уже не осталось. Наверну кто-то ходил; с потолка сыпался сухой мусор. В луче света, проглядавшего в щель, двигались смутные, перевернутые тени людей, а самый луч был розоват, неярко; очевидно, вечерело. Громко зафыркал мотор мотоцикла, квакнул клаксон. И тут же раздалась короткая очередь автомата.

— Ну, что еще там?—спросил по-немецки кто-то снаружи с явной тревогой.

— Да ерунда!.. Это Бонерль обстреливает ястов на гнезде. Он не может получас прожить, чтобы не закатить пулю в кого-нибудь!..

— Идут!—выполголоса пробурчал первый.

Некоторое время все было тихо. Лилась какая-то вода, звенел котелок или ведро. Потом снова заговорили.

— Бартничек, у тебя есть сигареты? Давай покурим, старый трус...—донеслось до Вальде.

— Покурим, покурим!—ворчливо ответил давешний голос.—Насколько я вижу, нас вообще выкурят отсюда. Совершенно ясно, что русские ударят ночью сюда из лесу. Этого не видят только дураки.

— Успокойся, Вилли!—пренебрежительно бросил первый.—Ты трус, это всем известно. Но ты славный парень в общем. Мы через час трогаемся отсюда. Здесь останется только этот командир штурмовиков со своими пятью молодцами. Они спокойно переночуют здесь. Кроме глухонемой старухи; тут никого нет... Кстати, умора!.. Господин батальонный не поверил, что она немая, но она разинула перед ним рот, как галка. Представь себе, у ней совсем нет языка... Ампутирован начисто. Что это? Говорят, был рак языка, что ли... Так вот, они остаются здесь наверху, а мы опять идем на ночное дело... Бодрись, старик!

— Чего мне бодриться?—проворчал Бартничек.—Я ободрен с утра: как раз рядом со мной упал в болото Курт Клеменц... Он так и остался там лежать, головой в ржавой воде... Сумка раскрылась, письма рассыпались. Вода стала похожа на борщ... И со всеми нами будет то же. Что сидишь зря? Чисти огурцы! Но мы наверное уходим отсюда? Смотри! Зовут...
Голоса смолкли.

Политрук Вальде сидел неподвижно. Руки его слегка дрожали, но в общем он стал уже успокаиваться. Если и на самом деле тут останется только десяток немцев, тогда еще возможно выпутаться. Но как он слаб все-таки; очевидно, много крови потерял! И который теперь час? В темноте не разглядишь стрелок. И потом странное чувство: не то все это действительность,

не то бред. «Сплю я, что ли? И почему у старухи отрезан язык? Если у нее отрезан язык, значит, она не глухая, а просто немая... Где она теперь? Ах, вот она! Что это: начинаются галлюцинации?»

Нет. Это ночь. Ночь в подвале. Открывается дверь. Старая женщина входит в нее, тщательно заслоняя рукой маленький источник света—электрический фонарик, что ли? Бледный и радужный свет бегит по стенам. О! Вот откуда пахло ветчиной: наверху, на железном пруте, висят три окорока! Кадушка с хмелем. Окованный обручами чурбан, на которых рубят мясо. Обязанная белым ногой политрука. Что нужно от него теперь этой женщине?

Седая склоняется над ним. Она смотрит ему в лицо, смотрит очень странно—внимательно, неотрывно, строго, точно хочет убедиться в чем-то. Потом она становится на колени, протягивает руку и логонько касается его лба. Она... Она гладит голову политрука Вальде—этого крепкого, сильного, пожилого уже латыша. Она гладит ему голову, как ребенку. Ее тонкие губы что-то беззвучно шепчут. Она показывает на автомат, потом на себя. Ей? Дать ей автомат? Его автомат? Зачем?

Старая женщина взволнованно жестикуют. Она умоляет: «Командир, дай мне твое ружье!» Понятно, чего она просит. Но зачем ей это, зачем? Постой-ка! Ведь она же неглухая: у нее только ампутирован язык.

— Матушка, зачем вам винтовка?—шопотом спрашивает Вальде.—Что вы хотите сделать с ней?

Старуха прикрывает глаза. Она улыбается. Ух, ты дьявол, как она улыбулась, цыганка! Она кладет щеку на руку. Да, да! Там, наверху, все они спят... Один палец, два, три... семь! Вот так. Все дыхнут! Она приложится так...

— Матушка, матушка, да что вы? Разве вы сумеете?

Седая женщина кивает головой. Лоб ее нахмурен, брови сведены. Она стоит над ним на коленях. Да, она знает, что это автомат... Семьдесят одна пуля. Хорошо! Но она спрашивает жестами, как из него стреляют.

— Вот так, матушка... Видите, вот так! Это одиночные выстрелы. Теперь очередь. Трах-тах-тах-тах. Только не передвиньте рычажок ненароком...

Глубокое доверие вдруг проникает политрука Вальде. Горячая волна подкатывает к его горлу. Протягивая автомат, он показывает на свой рот, на рот женщины (трудно отрешиться от представления, что она не слышит): «Почему это у вас? Рак? Была операция?»

Женщина схватила «пепед» с жадностью. Вдруг она замерла. Лицо ее стало сразу и скорбным, и страшным, и... и вдохновенным... Он видел когда-то такое лицо на картине. Такие же глаза, такой же ослепительный нос... Только там еще был черный платок на голове... Где это он видел?

Женщина отрицательно и гордо качает головой: «Рак! О нет! Это не рак: это не операция...» Какой странный смех! Она вы-

прямилась. Она еще усмехнулась. Губы сжались в тонкую нить. Политруку Вальде вдруг стало холодно.

— Ах, матушка! — пробормотал он глухо. — Ах, милая матушка!.. Идите!

Она погасила фонарик и ушла. Дверь не издавала даже самого слабого звука. Вальде остался в глубокой тьме. Его чуть-чуть лихорадило. Вокруг все было тихо, только наверху, за потолком, кто-то глухо ворочался от времени до времени. Ну? Что же теперь?

Политрук сидел, не сдвигаясь ни на миллиметр, не меняя позы, всем телом, даже

может разорваться от нетерпения... Автомат ли это? Грохот такой, точно батарея разразилась беглым огнем. Что она делает? Она нажала на курок и не отпускает пальца. Взрыв криков. Чужой выстрел: это револьвер! Еще два! Ох, еле заметная пауза. Неужели? Нет, нет! Еще пятнадцать или двадцать своих, наших пуль подряд. О, матушка!

Что-то тяжело упало. Еще выстрел. Еще. И тишина. Глубокая тишина... Что делать? Что же теперь делать, Вальде?

Делать теперь нечего, политрук! Верно говорит, что от сильного потрясения от-

— Матушка, зачем вам винтовка? — шопотом спрашивает Вальде. — Что вы хотите сделать с ней?

кончиками волос вслушиваясь в тишину... Ничего... ничего... ничего... У дверей дома, конечно, должен быть часовой, вероятно даже не один... Хотя женщина, возможно, находится уже внутри, ей не надо проходить в дверь... Что это? Нет... Гробовое молчание! А если? А если она... Нет! Не может быть! Невозможно! И что же? Ну, тогда граната! Где граната? Вот...

Чуть слышный звук. Еле-еле слышный. Тот, кто не был бы уверен в том, что рано или поздно он доносится, тот не услышал бы его. Это шаги. Осторожные, легкие шаги наверху. По комнатам первого этажа, изд потолок. Остановилась. Опять идет.

Ох, как бьется сердце Вальде! Как напрыгает слух! Это кровь стучит. Нет! Опять три шага. Вот! Еще пять... Сердце

кryваются раны. Сейчас ты потеряешь сознание, моряк. А сверху, сквозь потолок, на тебя начнет капать темная, тяжелая, липкая жидкость. Вот еще. Опять. Это кровь, политрук Вальде. Но ты спасен.

«Глубокоуважаемый товарищ старший политрук!

Получив ваше письмо, я тотчас принял меры, чтобы выяснить личность женщины, столь героически погибшей в ночь на одиннадцатое число в бывшем доме священника в местечке В. К сожалению, сейчас, ввиду того что почти все местные женщины из района эвакуированы, установить удалось очень немного.

Твердо можно сказать одно. Во время боев 1919 года с отрядами генерала Розянки в данном месте появился партизанский отряд под командованием некоего товарища Байкова. Отряд, судя по всему, прибыл из Питера и состоял главным образом из рабочих, а отчасти из моряков. Командир Байков был моряком. С отрядом прибыла жена командира Наталья Григорьевна Байкова, которая, когда партизаны ушли в лес, осталась в местечке В. для связи и разведки. По доносу одного из местных жителей, провизора аптеки, немца по национальности, тозариц Байкова была схвачена белыми. Стремясь узнать местопребывание и численность отряда, ее подвергли невыносимым пыткам, в частности колотли булавками язык, но ничего не добились. При отступлении белых Байкова в крайне тяжелом состоянии была подобрана в селезне В., и ей пришлось ампутировать язык во избежание гангрены. Муж ее был убит в бою за В. и похоронен на местном кладбище. Сама же Байкова по окончании гражданской войны выразила желание остаться в деревне В., возле места погребения мужа, где и прожила вплоть до смерти, выполняя разную посильную работу в ме-

стной МТС и в конторе районного агронома. Что касается до обстоятельств ее кончины, оставшихся вам неизвестными, то, повидимому, героине удалось войти с нашим карабином в комнату, где расположились на ночевку немцы, и одной или двумя очередями убить и тяжело ранить всех шестерых. Седьмой немец, находившийся на карауле у входа, прибежав на выстрелы и крики, смертельно ранил Н. Г. Байкову, но был также убит ею в коридоре, где его и нашли. Вот и все, что нам известно.

По наведенным справкам, тов. Байкова не может быть названа старой женщиной, ибо в 1919 году ей было около 18—19 лет.

Я не сомневаюсь, что с возвращением населения в Н-ский район мне удастся собрать более полные сведения. Тогда я не премину сообщить их вам.

Найденный в вещах Н. Г. Байковой орден Красного знамени, принадлежавший ей самой или ее мужу, отослан мною в Ленинград для помещения в музей.

С товарищеским приветом и глубоким почтением
секретарь В-ского РК ВКП(б) Носов.

Мой светлый край

Максим Рыльский

Не в золотистом окаёме,
Не с теплым солнечным лучом,
А с завываньем злого грома
Она пришла к родному дому,
Железным разлилась дождем.
Там,
Где мы яблони садили,
Учили азбуке детей,
Где песни ветер легкокрылый
Нас освежал,
Вливая силы,
Дохнула тьма немых ночей!
И холод пролетел над жизнью,
Смерть проложила черный след.
Горят дома в моей отчизне,
Я знаю: нет и дна кручине,
Предела боли нашей
Нет.
Двенадцать месяцев кровавых—
Двенадцать пролетело птиц,
И сколько там,
В спаленных травах,

Могил,
Где недругов лукавых
Сразила правда на пути...
Когда затрубят наши воды
Про смерть грабителей-громил,
Исчезнут тени непогоды,
И радостно вздохнут народы.
И будет край мой
Миру мил.
Мой светлый край,
Моя Украина,
Отрада глаз,
Любовь моя!
Я вижу вновь долины рая,
У ног твоих
Шипит,
Я знаю,
Штыком пронзенная
Змея.

Перевел с украинского
Николай Берендгоф.

Только тот бьет, кто отчаянно и до-смерти бьется

Полковник М. Люшковский, Ю. Эшман

Суворовская „Наука побеждать“

В 1796 году для обучения русской армии была принята специальная инструкция, которая излагала главные положения учения Суворова о военном искусстве. Эту простую и понятную каждому инструкцию, известную под названием «Наука побеждать», должны были хорошо знать и ежедневно повторять все русские солдаты и офицеры. Она была составлена в форме лаконичных, отлично запоминающихся крылатых выражений и поговорок. Например: «Храбрый впереди и жив! Трусишку и позади убивают, как собаку! Ему, если и жив останется, ни места, ни чести нет!»

Солдаты хорошо помнили поучения Суворова. Отслужив положенный им срок в армии, они, возвратившись после этого домой, рассказывали односельчанам о наставлениях своего полководца. Так суворовская «Наука побеждать» запоминалась даже людьми невоенными и распространялась по всей земле русской.

Но просуществовала суворовская инструкция недолго. Павел I в 1797 году отменил ее и ввел свою, которая была точной копией прусского военного устава. О суворовских наставлениях начали забывать. Многие офицеры считали их «отжившими свой век». Только в народе попрежнему ходили суворовские поговорки да рассказы бывалых о солдатском генерале.

В 1800 году Суворов умер. А через шестьдесят лет после его смерти в одном русском военном журнале появи-

лась статья, в которой говорилось о том, как и чему надо обучать солдат. Автор статьи, скрытый под инициалами «М. Д.», доказывал, что солдат необходимо прежде всего учить тому, что им может пригодиться на войне. Он утверждал, что солдат нужно обучать «по-суворовски».

Автор статьи, оказавшийся Михаилом Ивановичем Драгомировым, был одним из образованнейших русских офицеров, знатоком военной истории. Впоследствии он стал профессором тактики и был широко известен не только в России, но и за границей.

Драгомиров на деле проводил в жизнь суворовскую систему обучения солдат. Пехотную дивизию, которой он командовал во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, Михаил Иванович обучил так, как некогда обучал свои войска Суворов. И результаты не замедлили сказаться.

Однажды Драгомирову со своей дивизией предстояло переправиться через Дунай. Многие считали, что задача эта невыполнима. Моста через реку не было, наводить же понтоны или переплывать на лодках было почти невозможно: турки, укрепившиеся на другом берегу, сильным огнем непрерывно обстреливали русских. И все же благодаря своему уменью дивизия Драгомирова выполнила приказ и переправилась в Болгарию.

Чтобы полностью восстановить советы великого полководца, Драгомиров проделал большую и трудную работу: сначала он кропотливо записывал суворовские солдатские и народные поговорки, а когда их накопилось много, он их собрал в книгу, которую назвал «Солдатской памяткой». В «Памятке» рассказывается, как вести себя в походе, в бою, на отдыхе и с товарищами. В России ее несколько раз переиздавали, и солдаты хорошо ее знали. Маленькая книжка стала известна и за границей. И французский генеральный штаб издал «Памятку» для своих солдат.

Некоторые советы, которые приведены в «Солдатской памятке», устарели, некоторые требуют пояснения. Но несмотря на это работа, проделанная М. И. Драгомировым, представляет большой интерес и сегодня. Именно потому мы и решили рассказать о ней.

Побьешь — всем будет хорошо!

Одно из первых, о чем говорится в «Памятке», — это о товарищеской помощи, о выручке в бою.

«Не думай о себе, думай о товарищах: товарищи о тебе подумают!»

«Сам погибай, а товарища выручай!»

«Пока бьешься, выручай здоровых только, побив врага, вспоминай о раненых: кто о них хлопочет во время боя и оставляет ряды — плохой солдат, а не сердобольный человек; не товарищи ему дороги, своя шкура ему дорога. Побьешь — всем будет хорошо — и здоровым, и раненым.»

Так учит «Памятка».

Здесь следует оговориться. В те времена, когда это было написано, санитаров было мало и случалось, что под предлогом помощи раненым некоторые малодушные солдаты оставляли свое место в строю.

Иное дело теперь. В Красной Армии санитарная служба поставлена лучше, чем в какой-либо другой армии мира. И наши бойцы, помня об этом, должны знать, что дело здоровых — сражаться, а о раненых позаботятся специально выделенные на то люди.

Всегда бей. Никогда не отбивайся

«Солдатская памятка» неоднократно повторяет, что, только наступая, можно добиться победы:

«Всегда бей, никогда не отбивайся. Сломался штык — бей прикладом; приклад отказал — бей кулаками; попортил кулаки — вцепись зубами. Только тот бьет, кто отчаянно и досмерти бьется.»

«Только того бьют, кто боится.»

Старинная русская поговорка говорит: «Смелость города берет». Это верно везде и всегда. Особенно на войне. Вот почему «Памятка» учит:

«Наскочишь невзначай на неприятеля или он на тебя — бей, не задумываясь,

ясь, не дай опомниться. Молодец тот, кто первый крикнет «ура»...»

Как часто в нынешней войне можно услышать слова «окружение», «обход», «удар во фланг!» Некоторые малодушные и трусливые люди пытаются «окружением» оправдать свое поражение, свои неумелые действия. «Памятка» и по этому поводу предупреждает:

«Для хорошего солдата нет флангов и тыла, а везде фронт, откуда неприятель.»

Если неприятель появляется в тылу, ни в коем случае не впадать в панику. Паника — злейший враг победы! Части, стоящие сзади нападающего противника, обязательно придут на помощь. И действовать им будет куда легче, если свои же будут хорошо драться и этим отвлекут силы противника.

Победу нужно завоевать

На войне нельзя пасовать даже перед самыми трудными обстоятельствами.

«На войне и не доешь, и не доспишь», — говорится в «Памятке», — и побьешься — на то война. Даже настоящему солдату бывает трудно, а жидкому и совсем тяжело, но если тебе будет трудно, то неприятелю не легче, а может, труднее твоего; только свое трудное ты видишь, а неприятельского не видишь; но оно всегда есть. Потому не раскисай; а чем хуже тебе, тем упорнее и отчаяннее бейся: побьешь, сразу станет тебе лучше, а неприятелю хуже; только претерпевший до конца спасется.»

Русские солдаты во все времена, везде и всегда отличались храбростью. Сколько раз, даже в борьбе с превосходящим врагом, они выходили победителями! История нашей родины — ярчайшее тому подтверждение. Но именно военное прошлое нашей страны, история любой из войн, которые приходилось вести нашему народу, учит, что никогда победа не приходила сама

собой. Она завоевывалась в трудной и упорной борьбе, в борьбе не на жизнь, а на смерть.

И «Памятка» предостерегает:

«Не думай, что сразу дается победа: враг тоже бывает стоек. Иногда не удается взять и с двух и с трех раз; лезь в четвертый и дальше, пока не добьешься своего».

Военная история знает множество примеров, когда стойкость и упорство в бою рождали победу над превосходящим и численностью и силой врагом. Вот один из таких примеров.

Рота капитана Семечкина (дело происходило в августе 1914 года в Восточной Пруссии) была окружена немцами. Три раза русские, пытаясь вырваться из окружения, бросались вперед, но каждый раз немцы отбивали их атаки. У русских иссякли уже все патроны; немцы предлагали им сдаться. Но они не сдались. Капитан Семечкин, выхватив шашку, бросился вперед в четвертый раз. Его солдаты ударили в штыки и пробились через кольцо окружения..

Известно, сколь ответственны обязанности часового. От неусыпной бдительности часового часто зависит жизнь сотен и тысяч людей. Служба часового так же почетна, как и умелые действия бойца во время сражения. И об этом напоминает «Солдатская памятка». Она говорит:

«В бою солдат — тот-же часовой и, умирая, ружья из рук не выпускай».

«Не жди смены — не будет; поддержи как будет».

«Здорово побьешь, тогда отдохнешь».

Береги патроны. Стреляй метко

Очень многие наши воины вооружены сейчас скорострельным оружием. Скорострельное оружие — хороший и надежный помощник бойца. Ведь если из обыкновенной винтовки можно сделать десять выстрелов в минуту, то из самозарядной их сделаешь вдвое больше. Но некоторые делают из этого совершенно неправильный вывод. Они думают, что при стрельбе из самоза-

рядной винтовки важна не меткость — все равно одна пуля да попадет в цель! — а частота стрельбы. Те, кто так думают и поступают, глубоко ошибаются. Вот простой расчет.

Боец носит на себе сто двадцать патронов. Значит, если стрелять часто, их может хватить всего на шесть — двенадцать минут. А где взять новые патроны, когда все имеющиеся будут расстреляны? Подносить же в бою трудно, а иногда и просто невозможно. Вот почему каждый боец должен хорошо запомнить, чему учит драгомировская «Памятка»:

«Цель каждую пулю. Без толку стрелять только чорта тешить. Виноватого найдет меткая, а не шальная пуля. Береги патрон: выпустишь наудачу издали, подойдешь ближе, тут бы и стрелять, а стрелять нечем. Хорошему солдату тридцать патронов довольно на самое горячее дело».

Все, что говорит «Памятка», очень верно. Подумайте, какие огромные потери понесли бы немецко-фашистские войска, если бы каждый наш боец, вооруженный скорострельным оружием, убил хотя бы тридцать немцев! Сто бойцов уничтожат три тысячи — целый полк, а тысяча бойцов — тридцать тысяч фашистов — целых две немецких дивизии!

Патроны нужно беречь. Недаром французы, издавшие для своих солдат «Памятку», приписали к ней: «Убивает одна пуля; выпускайте только эту пулю!»

Штык не обмишулитесь

Бережно относиться к расходованию патронов учил и А. В. Суворов. «Солдатская памятка» напоминает об этом его словами:

«Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко; штыком коли».

крепко. Пуля обмишулится, а штык не обмишулится, пуля дура, а штык молодец».

Во времена Суворова ружье стреляло более или менее метко на сто шагов да и заряжалось оно медленно. В минуту солдат мог сделать только один выстрел. Поэтому-то Суворов и учил стрелять не торопясь. Иначе при промахе некогда будет вновь зарядить ружье. Но если ты подошел близко к врагу, — бей его скорей штыком. Русский штык не промахнется. Только иди смело на врага. А он выстрелит и промахнется, заряжать же времени ему не останется. Вот и будет у врага пуля — дура, а наш штык — молодец!

Многое из этого очень верно и сейчас. Всякий бой и в наше время заканчивается атакой. А в атаке штык — оружие незаменимое. Немцы боятся русского штыка, — значит, надо лучше применять это испытанное наше оружие.

Как вести себя в походе

Походная жизнь — серьезный экзамен выносливости бойца, его умения переносить тяготы многокилометровых переходов. На марше важно, чтобы у бойца все вооружение было подогнано, чтобы ничто не стесняло его. «Памятка» рекомендует:

«Держи себя чисто, одежду и амуницию в порядке. Ружье, сухарь и ноги береги пуще глаза. Учись хорошо обертывать портянки, а к походу пропитай их салыцем — ноге мягче».

Во время марша нельзя выходить из строя, отставать, унывать:

«В походе своего места не оставляй, остановился на минуту — отстал на 120 шагов. Иди веселей, не раскисай».

После похода остановка на биваке:

«Пришли на бивак — не всем отдыхать: кто спит, кто сторожит. Кому спать, тот спи спокойно, пока не разбудят; товарищи стерегут. Поставят

сторожить — стой бодро, хоть сто верст прошел».

Еще большим испытанием для бойца является бой, атака. «Памятка» советует, как держаться солдату в наступлении:

«Под выстрелами наступай враспынную, атакуй вместе: бьют кулаком, а не растопыренными пальцами».

«Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет...»

„Атаману и первая чарка и первая палка“

На войне нередко может случиться, что рядовому бойцу придется стать командиром. А у командира власть большая: он людей в бой ведет. Есть, однако, командиры, которые забывают, что у начальника не только власть, но и великая ответственность.

Вот почему «Памятка» предупреждает народную поговоркой:

«Атаману и первая чарка и первая палка».

«Попадешь в начальники, держи людей крепко в руках и приказывай толком, а не командуй дурум: «марш», «вперед». Сначала скажи, что сделать, чтоб всякий человек знал, куда и зачем идти, тогда и «марш», и «вперед» годится. Всякий воин должен понимать свой маневр».

Нам нужны сознательные воины, а не автоматы, какими являются немецкие солдаты. Сила Красной Армии в том и состоит, что она знает, за что она борется.

Мы ведем жестокую войну с немецкими захватчиками, вторгшимися на нашу землю, чтобы покорить ее. Чтобы победить злого врага, надо собрать все силы нашего народа.

И мы победим. Мы разобьем и уничтожим полчища немецких вандалов. Но дорога наша к победе не усыпана розами. Это надо помнить. Этому учит нас и вековая народная мудрость, собранная М. И. Драгомировым в «Солдатской памятке».

Наступление

И. Осипов

1. Граната

Бой начался сразу во многих местах. Артиллерия наша гремела, по меньшей мере, на участке в двадцать километров. Шел дождь, густой, надоедливый дождь, начавшийся еще ночью, и теперь, на рассвете, все вокруг размокло.

Удивительно, до чего некстати был этот дождь! Я стоял под деревом возле вырытой накануне землянки и старался разглядеть сквозь серую сетку ливня, что происходит там, за огневыми позициями наших артиллеристов.

Передние цепи бойцов подразделения, которым командует лейтенант Иванов, поползли к окраине деревни Б. Они скрылись во ржи, их уже не видно отсюда, с наблюдательного пункта, из маленького рва, прикрытого сверху двумя толстенными сосновыми бревнами. Но если прилечь глазом к стереотрубе, то можно разглядеть, как то тут, то там из темной, ржаной лощинки выползают и, согнувшись, перебегают с места на место фигуры бойцов. Немцы видят их. Огонь минометов сосредоточен на этом клочке земли, черные дымы вырываются все чаще и чаще из ржи.

Слева, там, где кончается рожь и зеленая полянка отделяет наших бойцов от деревни, движется со своим отделением сержант Коньков. Я знаю, что ему надо прорваться в деревню с восточной ее окраины и преодолеть на пути несколько рядов проволоки, завал из хвороста и два, давно уже обнаруженных разведчиками дзота.

Удастся ли ему прорваться к деревне? Я забываю обо всем на свете, кроме вот этой горсточки бойцов, вынырнувших из ржи и сейчас подползающих под дождем, по мокрой траве к восточной окраине деревни. Оттуда доносится прерывистое, злое шелканье пулемета. Потом один за другим три разрыва гранат. На мигу все там стихает. Еще один гулкий взрыв, короткая очередь из автомата...

— Немецкий... — машинально фиксирует кто-то возле меня. — И граната немецкая...

Проклятый дождь! Нельзя ничего разглядеть. Уже растаяли в серой дымке ливня фигуры бойцов. Живы ли они? Ворвались ли в деревню? Почему не слышно отсюда, слева, выстрелов? Может быть, все отделение погибло, погиб и сержант Коньков, веселый широколицый мой земляк, бесстрашный разведчик, повторявший часто: «Смелого пуля не берет, смелый пулю обманет!»

Обманул ли он и в этот дождливый утренний час боя немецкую пулю? Или она отыскала его и уложила на сырую землю?

Нет, они не погибли, они прорвались в деревню. Связисты отыскали прорыв, восстановили связь с ротой. Мы узнаем, что отделение уже ведет бой возле колхозной мельницы, что соседние два взвода вышибли немцев с севера и продвигаются с боем вперед.

Почему же там, слева, звучали только разрывы немецких гранат и стучал немецкий автомат? Что происходило там, возле зеленого бугра замаскированного дзота?

Коньков подполз с бойцами своего отделения к первой траншее немцев. Ему удалось прорваться к самому дзоту, и здесь, в траншее, вырытой в полный рост, он очутился один на один с целой группой немцев, выскокших из дзота и ринувшихся по ходам сообщения назад. Коньков, упав в жидкую, глинистую грязь и открыл огонь по убегавшим. Те тоже рухнули на землю и открыли беспорядочную стрельбу. У Конькова было то преимущество, что он, оказавшись за выступом траншеи, находился как раз на пути отступления немцев. Выскочить из траншеи они не могли: их скосила бы первая же пулеметная очередь. Бежать вперед — еще хуже: оттуда уже подступало соседнее отделение. А сержант, лежа за земляным выступом траншеи, там, где она круто сворачивала к деревне, бил из своей самозарядной винтовки вдоль траншеи, создав нечто вроде заградительного огня для немцев.

Он пожалел, что прежде времени израсходовал три гранаты. Вот бы когда они пригодились! Швырнуть бы хоть одну туда, в узкую щель траншеи, — все до одного остались бы, голубчики, здесь!

И тут произошло следующее. Над траншеей взлетела брошенная немцем граната. Она описала в воздухе кривую и длинной своей деревянной рукояткой уткнулась в грязь у самой головы сержанта. Одно мгновение она торчала так возле него. Но прежде чем разорваться, она успела описать над траншеей еще одну кривую — на этот раз в обратном направлении: Коньков швырнул ее, приподнявшись на колени, и в тот же миг прижался к земле. Граната разорвалась с оглушительным треском, над щелью траншеи взлетели комья земли, ружья и каска. Спрельба прекратилась. До слуха Конькова донеслись стоны раненых немцев. Трое были убиты наповал, двое корчились в грязи.

Гарнизон дзота погиб от собственной гранаты. Это событие слышен был на наблюдательном пункте.

2. Не уйдем!

Лейтенант Салютин отправился с пятью бойцами в разведку. Бой шел в нескольких километрах от Зубцова. Немцы судорожно цеплялись за каждую деревню, прикрывая отход основных частей своих за Волгу.

Я видел их окопы возле деревни Алексина. Труп немецкого пулеметчика лежал на ситцевой крестьянской подушке. В блиндаже остались связанные проволокой одеяла, уворованные в сожженных домах. Они не хотели расставаться с награбленным добром. Они не отходили — их вышибали огнем, штыком, прикладом. Лейтенант Салютин пошел в разведку, для того чтобы определить, много ли немцев застряло в селе Богуславе, как они там укрепились. Лейтенант, как и все бойцы, хотел лишь одного, одним была охвачена его душа: не выпустить отсюда немцев, не дать им времени для того, чтобы угнать с собой население, измученное голодом и шестнадцатичасовым рабским трудом на строительстве дорог.

Лейтенант Салютин проник к деревне в сумерки. У крайней хаты его окликнул немецкий часовой. Лейтенант ответил выстрелом. Поднялась дикая стрельба. Из землянок и немногих уцелевших домов выбегали немецкие солдаты. Они стреляли недолго. Повидимому, в деревне осталось совсем немного немцев. Ночью под прикрытием своей артиллерии они должны были отойти к Волге вслед за частями, которые заняли новые рубежи в пяти километрах от деревни.

Когда совсем стемнело и в черном, затянутом облаками небе вспыхнули мертвенно бледные созвездия ракет, лейтенант Салютин и пятеро его бойцов полностью овладели деревней. На улицах среди дымящихся ее развалин, возле бревенчатых накатов блиндажей валялось полтора десятка трупов немецких солдат.

Лейтенант остался здесь до рассвета. Он не считал свою задачу выполненной до конца. Надо было разведать противника за селением, посмотреть, что он приготовил для обороны к северозападу отсюда.

А на рассвете боец Селиверстов, стоявший в карауле на северозападной окраине, возле чудом уцелевшей березки, подбежал к лейтенанту: «Идут сюда...» «Сколько?» — спросил лейтенант и, не ожидая ответа, пополз к березке. Отсюда видно было, как

по проселку движутся к деревне до двух рот немцев. «Будем держаться!» — спросил у бойцов лейтенант. «Не уйдем!» — ответили они. И они не ушли из деревни.

Это было на рассвете. В полдень лейтенант с пятью бойцами находились еще в деревне. Они отбили три атаки немцев. Они окопались, используя для обороны немецкие блиндажи, и держались.

У них было достаточно патронов и гранат. Немцы не могли определить, сколько здесь русских. Когда передние цепи немцев под прикрытием пулеметов подползли на полтора — сто метров к окопам наших бойцов, лейтенант командовал: «Первый взвод, огонь», и трое бойцов били залпом из автоматов, перебегая с места на место. Потом и сам лейтенант отбегал и с другой стороны с двумя бойцами открывал огонь, заставляя немцев залечь и отползать назад.

Надо было обладать громадной выдержкой, надо было люто ненавидеть врага, чтобы так вот защищать только что отвоеванный кусок земли и эти вот жалкие развалины на том месте, где стояли деревенские дома.

Второй и третий раз пытались немцы выбить наших воинов из деревни, вернуться сюда, чтобы задержать здесь наши наступающие части. Но и второй и третий раз атакующие цепи немцев рассыпались на подступах к деревне, и лейтенант Салютин время от времени брался за бинокль и подсчитывал потери противника. К полудню он насчитал шестьдесят пятьtrupов. В его гарнизоне было двое раненых. И когда установлена была связь с командным пунктом батальона, лейтенант охрипшим голосом доложил: «Держусь в деревне. Отбито три атаки. Как прикажете действовать дальше?» Он ни слова не сказал о том, что ему очень трудно, что бой ведет он из последних сил. Он не просил прислать подкрепления. Но из батальона спросили: «Сможете продержаться до подхода подкрепления?» И лейтенант коротко ответил: «Да».

Он продержался еще несколько часов до прихода подкрепления. Немцев не пустили вторично в эту деревню. Их потянули дальше, к Волге. Бойцы гнали их к Ржеву. И каждый день на штабной карте добавлялись новые и новые рубежи, отвоеванные у немцев.

3. Десять метров

Штаб полка только что расположился в лесу, вблизи Волги. Бой отодвинулся от леса на два километра. Первый батальон прошел с боем к самому берегу реки, второй батальон зашел с северо-востока, во фланг обороняющимся здесь остаткам 53-го полка 14-й немецкой мотодивизии. Командир и комиссар полка находились на наблюдательном пункте, в километре отсюда.

Начальник штаба капитан Порохин лежит возле шалаша из березовых ветвей и дописывает боевое донесение о сражении, которое закончилось полтора часа тому назад на подступах к деревне К. Я подсаживаюсь к нему на плащ-палатку, разостланную на земле, и заглядываю через плечо. Капитан Порохин дошел как раз до эпизода, связанного с именем красноармейца Лобанова.

Начальник штаба медленно выводит каждое слово. Он не торопится описать славный поступок красноармейца Лобанова, он подбирает выражения, наиболее подходящие для данного случая. Возле шалаша стоят две верховые лошади; они мирно жуют сено, не обращая внимания на вой «юнкеров», вот уже два часа безрезультатно бомбящих нашу переправу. Разрывы бомб сотрясают землю. Время от времени капитан Порохин, приподнявшись на локтях, оглядывает лесной лагерь, и тогда я вижу утомленное лицо человека, не спавшего двое суток. Глаза его воспалены; на щеках пробились рыжеватая щетина; пыль, смешавшись с потом, покрыла серым налетом его лицо.

«Красноармеец Лобанов,— пишет начштаба,— послан был на рассвете разведать огневые точки противника. Подобравшись незаметно к переднему краю немецкой обороны, Лобанов выполнил задачу, но был обнаружен противником и вступил с ним в бой...»

Я знаю, что произошло в тот момент, когда красноармеец Лобанов, обнаруженный немцами, решил вступить в неравный бой, и, глядя на листок бумаги, на котором сейчас воспроизводится этот лесной бой, жалею, что начштаба опускает многие детали этого события, считая нужным сказать только о главном. К сожалению, донесения обычно не включают в себя многое из того, что происходит в пылу сражения: некогда...

Начальник штаба перешел уже к описанию боя за переправу, а я возвращаюсь мысленно в болотистый лес возле деревни К, и вижу фигуру Лобанова, его пропостешую, выцветшую на солнце гимнастерку, мелькнувшую среди берез. Лобанов пополз к завалу из бревен, в «ничейное» пространство между нашими окопами и блиндажами переднего края немцев. Он исчез в кустарнике. Несколько минут оттуда не доносилось ни шороха. Потом раздался выстрел, гулкий винтовочный выстрел. Еще один. Короткая очередь автомата полоснула по лесу. И еще одиночный выстрел.

Что там произошло, в пятидесяти метрах от наших окопов? Ждать пришлось недолго. Стихла стрельба, и от завала раздался голос Лобанова: «Сюда, ко мне!» Взвод выскочил из окопов и побежал к завалу. Лобанов лежал за деревом, и впереди него, в десяти метрах, возле блиндажа, валялись три мертвых немца. Лобанов был невредим.

Он подполз к немецкому блиндажу, выяснил, что в этом месте линия обороны немцев жидковата, что именно здесь можно без особого труда прорвать ее одним натиском, и решил было уже отползти назад, когда его заметили из блиндажа. От первой очереди из автомата он успел спрятаться за деревом, а затем двое немецких солдат, решив, что с разведчиком покончено, выскочили из блиндажа и подбежали к нему. Он уложил их, подлущив на десять метров. Третий немец высунулся из окопа, закричал: «Русс! Бросай винтовка!»—и упал, пораженный Лобановым прямо в лоб. Так Лобанов принял неравный бой и не отступил, сражаясь мужественно против немцев.

Из соседнего блиндажа открыли по Лобанову пулеметный огонь. Он несколько раз выстрелил, целясь в амбразуру,—и пулемет захлебнулся, смолк. Вот тогда красноармеец Лобанов и крикнул своим: «Ко мне!»,—решив, что наступил самый удачный момент для атаки. Вместе со своим взводом он ворвался в немецкие окопы. Он вел бой сперва в десяти метрах один против троих, а теперь, когда побежали бойцы его звзда, он уже вступил в рукопашную схватку с врагом. Взвод выбил немцев из трех блиндажей переднего края и закрепился здесь до вечера.

Начальник штаба дописал боевое донесение и взглянул на часы. Было ровно три. Через час полк должен был форсировать реку. Капитан вынул из сумки бритвенный прибор, крошечное зеркальце и, прильнув к нему, пожалуй, приятно в походной жизни занято.

Почему летчик заметил лодку?

Пароход «Глотес» шел в открытом море. По обоим бортам парохода стояли дозорные наблюдатели. Круглые сутки они всматривались в морскую глубину. Но ничего подозрительного не замечали. Между тем рядом с пароходом шла на небольшой глубине вражеская подводная лодка. Об этом

по радио сообщил летчик с самолета, пролетевшего над пароходом.

Летчик, который на десятки метров был дальше от подводной лодки, заметил ее, а дозорные с парохода ничего не увидели. Что же, они плохо несли свою вахту? Нет! Чем же можно объяснить это явление?

Сегодня ночью был большой налет вражеской авиации на город. Сбито три немецких самолета. В этом заслуга и славных прожектористов. Это они обнаружили воздушных пиратов и, передавая самолеты как бы из рук в руки, все время удерживали в перекрестии лучей. Еду к прожектористам, наиболее отличившимся в эту ночь. Так появился рисунок «у прожектора», где изображен прожекторист Чейковский.

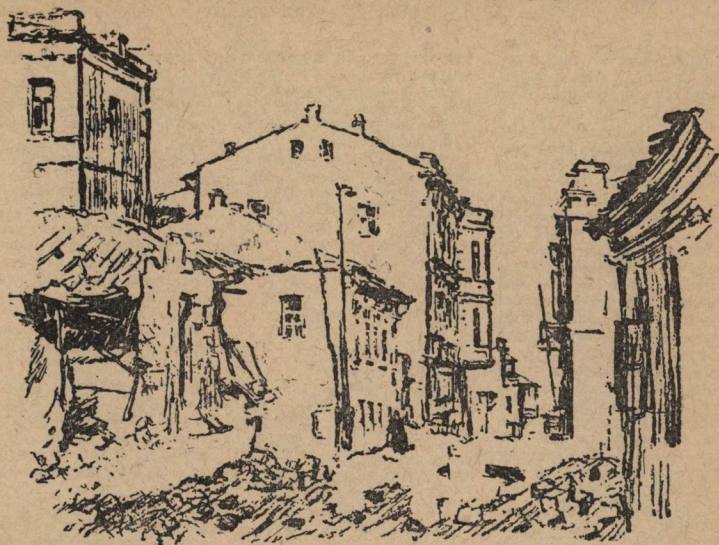

Капитан Козманиец был еще недавно начальником 1-го курса училища береговой обороны. В дни, когда враг наступал к Севастополю, весь личный состав этого училища вышел защищать родной город. Я встретился с капитаном в Мекензиевых горах, под Севастополем. Отряд под командованием Козманиеца сдерживал наступающих немцев. Капитан действовал храбро и решительно. За мужество, проявленное в боях под Севастополем, он награжден орденом Красного знамени.

Сейнера — это небольшие, подвижные суденышки. В мирное время рыбаки уплывают на них далеко в море, ловят рыбу. Сейчас сейнера выполняют иные задачи: страна поставила их «под ружье». На сейнерах уходили моряки в смелые налеты на вражеский тыл, на этих легких и таких сугубо шхотских судах были осуществлены дерзкие операции в штурмовые декабрьские ночи прошлого года, когда на берег, занятый врагом, высадились десанты отважных краснофлотцев и нанесли большой урон противнику. Я видел сейнера в Севастополе и в Туансе и зарисовал их у себя в блокноте.

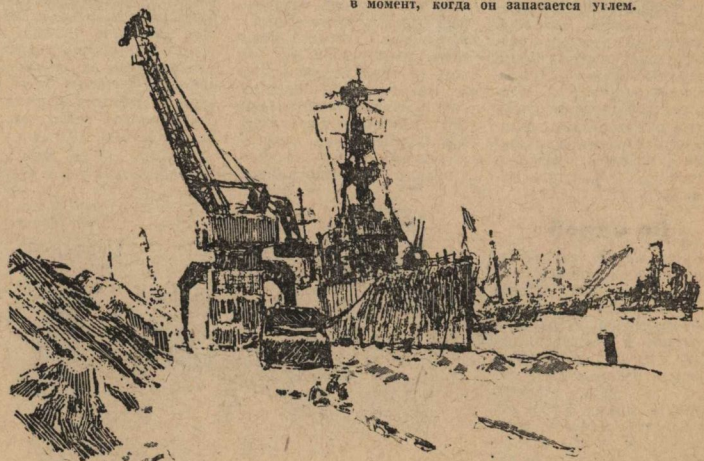

Я видел улицы Севастополя в дни героической обороны. Дома с зияющими провалами стен, груды битого кирпича, — всюду виднелись следы варварских бомбежек.

Крейсер «Красный Крым» участвовал во всех крупных операциях Черноморского флота. Это он наряду с другими кораблями смело появился в порту, занятом неприятелем, высадив десант, прикрыл его своим огнем и нанес убийственные удары врагу.

На рисунке — славный гвардейский корабль изображен в момент, когда он запасается углем.

80 выстрелов в минуту

А. Абрамов, Ю. Долгушин

Много всякой «хитрой механики» окружает нас. Мы часто не обращаем на нее внимания.

Взять, например, хитроумную и очень удобную застежку, которую часто можно увидеть на одежде. Ее заслуженно называют «молнией». А каждый ли знает все ее «секреты»? Вот, скажем, один простой вопрос: для чего на внутренней стороне язычка «молнии» сделан маленький зубчик? Ведь язычок сделан, наверное, только для того, чтобы, взявшись за него, можно было передвигать каретку застежки? О нет, язычок устроен глазным образом для того, чтобы поместить на нем зубчик. А зубчик этот имеет важное назначение, и, не будь его, застежка обладала бы существенным недостатком.

В любом механизме мы можем найти свой «секрет», свой, так сказать, «зубчик». Таких «зубчиков» немало в остроумном механизме самозарядной винтовки.

Когда разберешься, «секрет» зубчика «молнии» оказывается очень простым. Такими же простыми окажутся для разобравшегося «секреты» механизма самозарядной винтовки. А разобраться некоторым покажется трудновато только потому, что словами и рисунками нелегко передать устройство и действие механизма.

По одной

Курок нашей самозарядной винтовки взведен: быстрым движением затвора после выстрела этот фигурный молоточек с разными вырезами и выступами откинут назад, и мощная стальная пружина давит теперь на него, стараясь сдвинуть вперед. Курок как бы замахнулся своим верхним концом, чтобы сразу же клониться вперед.

ред нам ударник и разбить капсюль патрона.

Однако он неподвижен. Что-то удерживает его от удара, несмотря на сильное давление пружины.

Оказывается, на верхнем конце курка сделан вырез—небольшая зацепка. И когда курок, замахнувшись, откинулся назад, как раз в этот вырез заскочил выступ соседней детали—коромысла. Оно-то и держит теперь курок в таком напряженном положении.

Коромысло—это вертикально расположенная пластинка, укрепленная примерно своей серединой на оси, на которой может качаться. Выступ, зацепивший курок, устроен у верхнего конца пластинки и называется шепталом. Он похож на тупой птичий клюв, и все коромысло напоминает фигуру попугая или дятла, долбящего ствол дерева. «Ключом» своим «птица» зацепила размахнувшийся

курок за его вырез и держит.

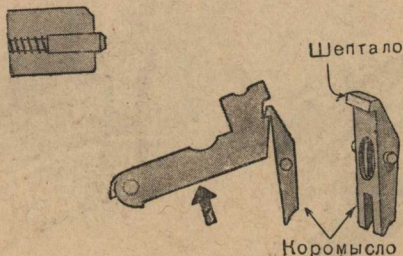
Как же, однако, освободить курок? Очень просто: нажать на спусковой крючок!

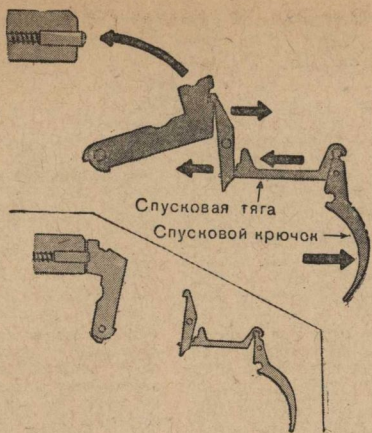
Тогда произойдет вот что. Верхний конец спускового крючка двинет вперед небольшую пластинку—спусковую тягу. Тяга другим своим концом толкнет «дятла» в «хвост», то есть сдвинет низ коромысла вперед, а верх коромысла отскочит назад; «клюв»—шептало—выскользнет из выреза курка и освободит его.

Теперь пружина курка может действовать. Курок с силой хлочнет по ударнику—последует выстрел. Все это происходит примерно так, как в обыкновенной винтовке.

Но там на это все и заканчивается. А в самозарядной винтовке после выстрела тотчас же снова откидывается назад затвор, выбрасывается стреляная гильза, подается новый патрон и все эти движения—от нажима на спусковой крючок до нового взвода курка—происходят буквально в одно мгновение. Стрелок даже не успеет прекратить давления пальцем на спусковой крючок! А может быть, и просто забудет перестать давить, что очень часто бывает в бою.

Что же тогда произойдет? Винтовка так и будет

продолжать все время стрелять?

Нет, не будет. Шептало коромысла опять удерживает курок, «Попугай» делает свое дело.

Позвольте, как же это может быть? Ведь спусковой крючок нажат, — значит, спусковая тяга сдвинута вперед, хвост коромысла отведен, а шептало выскочило из выреза и уже не удерживает курка?

В том-то и дело, что выскочившее было шептало снова удерживает курок. А чтобы коромысло возвращалось обратно, применена маленькая хитрость.

Рассмотрим внимательнее нашего «попугая» — коромысло. Оказывается, хвост у него, как у ласточки, раздвоенный. И спусковая тяга не просто упирается концом в этот хвост, а входит в его вырез, а еще прижимается к нему снизу пружиной. А на тяге, чуть отступя от ее конца, входящего в вырез, сделана небольшая ступенька. Она-то и толкает коромысло вперед, когда это нужно.

Но все дело в том, что когда затвор отбрасывается назад, то он не только взводит курок, но и специальным стержнем нажимает на тягу. Поэтому она отходит вниз настолько, что ее ступенька уже не упирается в «хвост» коромысла;

оно может повернуться, чтобы захватить курок, а ступенька при этом свободно проскакивает в вырез хвоста. Так и остается спусковая тяга в бездействующем положении, если мы после выстрела продолжаем нажимать на спуск.

А уж если спусковая тяга не действует, не отводит хвоста коромысла, значит, «клюв» нашей удивительной птицы немедленно захватывает взведенный курок и не позволяет ему стукнуть по ударнику.

Что же нужно сделать, чтобы снова выстрелить? Отпустить спусковой крючок, и опять нажать его. Когда мы его отпустим, он своим верхним концом оттянет назад спусковую тягу. Под давлением пружин-

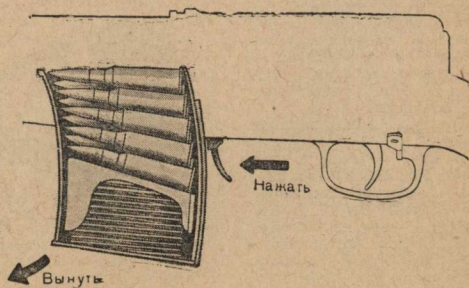
ки снизу ступенька тяги подскочит вверх, шептлет и снова упрется в хвост коромысла. Если теперь опять нажать на спуск, тяга пойдет вперед и уже сделает то, что нужно: сдвинет своей ступенькой коромысло, «клюв» выскочит из выреза, и курок ударит вперед.

Значит, после выстрела достаточно только отпустить спусковой крючок — и самозарядная винтовка готова к новому выстрелу. Каждое нажатие спускового крючка посылает одну пулю во врага.

Благодаря такому устройству, опытный стрелок не тратит времени и сил на перезарядку винтовки после выстрела, не отводит взгляда от цели, не сдвигает рук и может произвести 20—25 прицельных выстрелов в минуту. Вдвое больше, чем из обычной винтовки.

Питание в бою

Чтобы не приходилось слишком часто закладывать в самозарядную винтовку новую порцию патронов, магазин ее сделан более вместительным, чем в обыкновенной винтовке. В нем помещаются 10 патронов, и он весь целиком легко отделяется от винтовки. Это очень удобно: имеешь в запасе несколько заполненных патронов, и в бою быстро меняешь их. Для этого достаточно только отогнуть вниз и нажать большим пальцем хвост защелки магазина; он легко повертывается вперед, вы-

нимается, и на его место вставляется новый, заранее снаряженный магазин.

Самозарядная винтовка — удивительно «умная машина». Когда израсходуются все патроны, затвор остается открытым, отведенным до конца назад и винтовка как бы широко разевает рот и кричит: «Патроны все, дай еще!»

Но, может быть, такая сложная и «умная» винтовка непомерно тяжела? Намучаешься таскать ее, все время с собой? Как это ни удивительно, но наша самозарядная винтовка образца 1940 года вместе с клинковым штыком и магазином весит на 200 граммов меньше обыкновенной нашей винтовки образца 1891—1930 годов. Так тщательно продумана и экономно изготовлена каждая часть этой винтовки.

Непрерывным потоком

Итак, остроумные конструкторы заставили винтовку самообслуживаться во время стрельбы. Бою теперь остается только прицеливаться, нажимать пальцем на спуск да вставлять новый магазин с патронами через каждые 10 выстрелов. Стрелок получил возможность делать до 25 прицельных выстрелов в минуту.

А это не так просто, как кажется. Попробуйте-ка 25 раз выбрать цель, точно прицелившись, 25 раз плавно (непрерывно плавно!) нажать на спуск, два раза заменить пустой магазин новым — и все это только в одну минуту! Казалось бы, большой скорострельности добиваться от винтовки и не нужно: все равно человек не будет в состоянии ее использовать.

Но опыт войны показал другое.

— Еще больше огня! Еще больше пуль во врага! — требовали командиры. — Зачем?! Вы не будете успевать прицеливаться, — удивлялись конструкторы.

— Нет, будем. Сделайте так, чтобы в каждую цель вылетали две, три, четыре

пули — одна за другой. Чтобы, прицелившись один раз, можно было выпустить целую струю пуль в во врага. Это будет верно!

За конструкторами дело не стало. Появилась автоматическая винтовка. Теперь бою не нужно перед каждым выстрелом нажимать спусковой крючок. Достаточно нажать его один раз, и винтовка будет стрелять сама до полного израсходования магазина.

Зная механику самозарядной винтовки, легко понять, как действует винтовка автоматическая. Механизмы их очень мало отличаются один от другого.

Мы уже знаем, что затвор, отброшенный после выстрела назад, взводит курок. А курок тотчас же захватывается шепталом за выемку, сделанную в его верхней части.

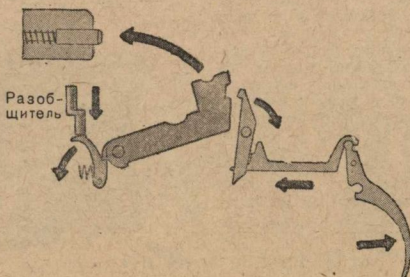
Но это — не все. В этот же момент другая деталь захватывает курок за его нижний конец. Эта маленькая деталь, вроде крючка, укрепена толстым основа-

нием на оси и небольшой пружиной прижимается своей внешней изогнутой поверхностью к нижней части курка. На ней сделана ступенька, а на курке — выступ. Деталь эта называется автоматическим спуском.

Все рассчитано так, что как только курок заманется, ступенька автоматического спуска подскочит под выступ курка и тоже будет держать его во взведенном положении, как и шептал, но с другой стороны. Две детали сразу сцепляются в курок и двух концов и удерживают его от удара.

Однако стрелять все же надо. Курок должен ударить. Как освободить его от «клова» — шептала, — мы уже знаем: надо нажать спусковой крючок. Но останется нижняя задержка — ступенька автоматического спуска. Как быть с ней?

С ним ничего не надо делать. На то он и автоматический, чтобы действовать самостоятельно. Когда

затвор, выполнив все свои многочисленные обязанности, вгонит в ствол свежий патрон и накрепко замкнет его в патроннике, этим самым движением он через специальный стерженек — разобщитель — нажмет на загнутый в сторону козличек автоматического спуска. Автоматический спуск отклонится, ступенька его выскокит из-под выступа курка, и теперь уже ничто не будет удерживать курок от удара. Произойдет выстрел.

Если бы теперь коромысло с шепталом отодвинулось в сторону, чтобы совсем не захватывать курка и не мешать работать только автоматическому спуску с разобщителем, тогда после первого выстрела все повторилось бы снова. Последовал бы второй выстрел, вслед за ним — третий и так далее. Иначе говоря, винтовка стала бы автоматической и стреляла бы сама до тех пор, пока не израсходовалась бы весь запас патронов. Значит, только это и надо сделать: отодвинуть и задержать коромысло на время стрельбы подальше от курка.

В автоматической винтовке это достигается удивительно просто: тем же нажимом на спусковой крючок.

Рассмотрим получше, как устроена спусковая тяга, точнее сказать, — тот выступ ее, который упирается в развилку хвоста коромысла. Выступ этот фигурный, он похож на гребешок петуха и имеет две ступеньки. Первая — от переднего конца тяги — это та самая, которая упирается в нижний конец коромысла при нажатии на спуск и отводит шептало назад, освобождая курок.

Но мы знаем, что тотчас же после выстрела затвор, подгибая курок книзу, нажимает и на спусковую тягу. Первая ступенька «петушиного гребешка» соскакивает с края коромысла вниз, давая ему возможность вновь захватить шептало курок. Сейчас нам этого совсем не нужно. Наоборот, нам нужно, чтобы

шептало осталось отведенным от курка и не мешало бы размахиваться и ударять. Вот для этого «петушиный гребешок» и имеет вторую ступеньку, возвышающуюся над первой, собственно сам «гребень». Если тем же нажимом на спуск продвинуть тягу чуть дальше, тогда нестрашно, что затвор поджал нижнюю ступеньку под вырез хвоста коромысла: вторая ступенька — гребень — все же упрется в коромысло и отведет его верхний конец от курка. Мало того, коромысло уже не сможет вновь приблизиться к курку, пока нажат спуск. Оно застрянет в этом положении, и курок сможет работать без помех. Винтовка будет посылать непрерывный поток пуль во врага.

Итак, весь вопрос теперь заключается в том, чтобы продвинуть спусковую тягу немного дальше, чем обычно она продвигается в самозарядной винтовке. Иначе говоря, надо только увеличить ход спускового крючка, чтобы самозарядную винтовку превратить в автоматическую.

Флажок

Эту задачу решить очень легко. В самозарядной винтовке, сзади спускового крючка, имеется предохранитель — подвижной упор, — так называемый флажок. Когда флажок опущен, спусковой крючок совсем нельзя нажать: флажок мешает. Но если повернуть флажок влево, поднять его, тогда спусковой крючок свободно двигается и можно стрелять. Очень удобный предохранитель!

Верхняя часть спускового крючка при нажиме упирается в стержень предохранителя и поэтому не может продвинуться дальше, чем это полагается для самозарядной винтовки.

В автоматической винтовке флажок можно отвести не только влево, но и вправо. Кроме того на стержне предохранителя сделан срез. Попадая на этот срез, спусковой крючок уже не задерживается на прежнем

месте, а может пройти еще немного дальше. А раз крючок проходит дальше, значит, он и спусковую тягу продвинет дальше, гребень ее отведет коромысло, и винтовка может стрелять автоматически, подряд. Так исключительно просто и остроумно разрешается вопрос.

Получается так:

На предохранителе

Положение первое. Флажок опущен вниз — стрелять совсем нельзя, спусковой крючок не двигается.

Одиночный огонь

Положение второе. Флажок повернут влево — ход спускового крючка ограничен, винтовка дает по одному выстрелу при каждом нажатии крючка.

Положение третье. Флажок повернут вправо — спусковой крючок проходит назад дальше, и винтовка обращается в автомат: сама стреляет до тех пор, пока есть патроны в магазине и нажат спусковой крючок.

Нужна ли самозарядная винтовка?

Итак, самозарядная винтовка весьма просто может быть превращена в автоматическую. Для этого нужно только увеличить ход спускового крючка.

Еще проще, наоборот, автоматическую винтовку превратить в самозарядную. Тут уж совсем никаких переделок не потребуются: придется только повернуть флажок влево — и все.

Но тогда, естественно, возникает вопрос: для чего же нужна самозарядная винтовка? Ведь, казалось бы, проще снабдить всех бойцов автоматическими винтовками и, если нужно, пользоваться ими, как самозарядными!

Но это не так. Дело в том, что не всякому бойцу можно дать автоматическую винтовку. Владеть ею могут только выдержанные, хладнокровные, особо натренированные, уже «обстрелянные» бойцы.

В бою очень важно расчетливо расходовать патроны. Ведь подносить их трудно. Опытный боец не израсходует патронов зря и не останется без них в самый ответственный момент боя. Неопытный боец выпустит все пули и неожиданно для себя самого

окажется безоружным... Так уж вернее дать ему винтовку, дающую по выстрелу при каждом нажатии крючка, — самозарядную — чем, вручив автоматическую, рисковать тем, что он напрасно истратит весь свой боезапас.

Автоматическая винтовка — сложный и нежный механизм. Одних спиральных пружин, от самой маленькой, отжимающей автоматический спуск, до мощной пружины, возвращающей затвор вперед, в этой винтовке 15 штук. Обращаться с автоматической винтовкой нужно особенно бережно. И самое опасное — частой стрельбой перегреть ее ствол. Поэтому нормально, хоть винтовка и автоматическая, огонь из нее нужно вести одиночными выстрелами — при флажке, повернутом влево.

Если не хватает ручных пулеметов, а враг неседает и необходимо отбить его мощным шквалом огня, тогда разрешается вести непрерывный автоматический

огонь — флажок повертывается вправо. Но и при этом надо бить короткими очередями, по 3—5 выстрелов. В самом исключительном случае, в особо напряженном бою, отбивая атаку врага, приходится держать спусковой крючок прижатым до полного израсходования патронов в магазине. Однако больше трех магазинов подряд выпускать никак нельзя: ствол чрезмерно нагревается и винтовка может совсем выйти из строя.

Из обычной винтовки опытный стрелок делает 10—12 прицельных выстрелов в минуту. Самозарядная винтовка увеличивает это число вдвое. Автоматическая винтовка еще раз удваивает огневую мощь: 40—50 прицельных выстрелов в минуту дает натренированный стрелок при стрельбе короткими очередями, а при непрерывном автоматическом огне — даже 70—80 выстрелов в минуту. Так велика огневая мощь нашей легкой автоматической винтовки.

Не так давно в Москве проходил семинар секретарей обкомов ВЛКСМ по военной работе. На снимке: участники семинара изучают устройство противотанкового ружья.

СТРАНА ГОР

Владислав Якубович

Голубые воды Адриатического моря белой полоской прибоа окаймляют побережье Югославии и ее многочисленных островов.

Лимонные и апельсиновые рощи смотрятся в спрюзовую гладь Адриатики. Стройные кипарисы вздымаются над зеленью роскошных садов и виноградников.

Отроги Динарских Альп — то голые, буро-желтые, коричневые, то яркозеленые от душистых трав — высокой стеной отделяют Далмацию — этот изумительный край Балканского полуострова — от остальной Югославии.

Югославия — страна гор. Высокие хребты, грозные скалы, дикие ущелья, причудливых форм утесы создают впечатление вздыбленного, окаменевшего в своей ярости моря.

Среди этого каменного хаоса раскинулись участки обработанной земли: поля, сады, огороды. Их особенно много на севере страны — там, где красавец Дунай и его полноводные притоки Сава и Драва прорезывают плодородную Венгерскую низменность. Немало возделанной земли также и в речных долинах Моравы, Вардара и маленьких рек и речушек, густой сетью прорывающих восточную часть Югославии.

Больше половины площади страны заня-

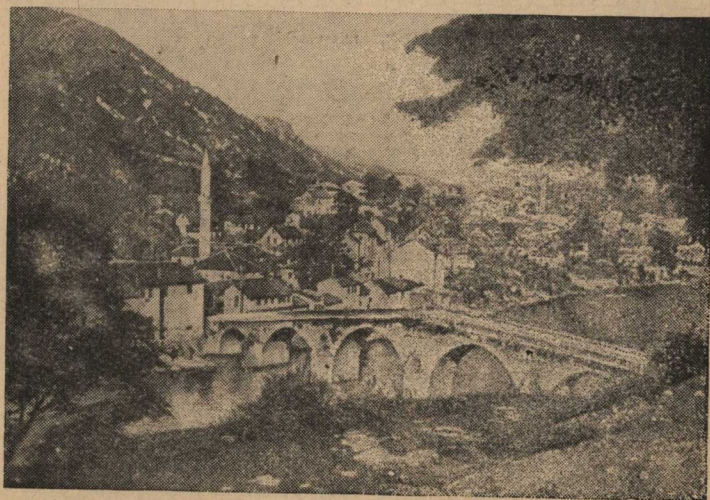
то под посевы пшеницы, кукурузы, сахарной свеклы, под дуга, сады, виноградники. 80% населения живет в деревнях и занимается сельскохозяйственным трудом. До вторжения оккупантов огромные стада коз, овец, коров, лошадей паслись на лугах и горных пастбищах Югославии. Но сейчас все меньше остается скота. Оккупанты вывозят его в Германию и Италию.

Недра Югославии богаты полезными ископаемыми. Особенно велики здесь запасы военно-стратегического сырья: железной руды, меди, алюминия и пр. Наряду с испанскими рудниками Рио-Тинто югославские медные разработки около города Бора являются крупнейшими в Европе.

По мощности свинцовых и цинковых руд, исчисляющейся в 5 миллионов тонн, Югославия занимает первое место в Европе. Есть в стране и бурый уголь, есть золото, серебро, ртуть.

Но почти все эти богатства лежали нетронутыми. Горнодобывающая промышленность была развита слабо, и большинство добываемого минерального сырья вывозилось за границу в необработанном виде.

Крупнейшими отраслями промышленности Югославии считались лесная и деревообрабатывающая. Лесное хозяйство давало на

Общий вид города Коньце, недавно освобожденного партизанами от захватчиков.

экспорт строительный лес, который являлся главным предметом вывоза страны; большого развития за последние годы достигла также мукомольная и мясообрабатывающая промышленность. Строились и текстильные фабрики, но почти все они работали с перебоями из-за нехватки сырья.

Немало в стране имелось предприятий металлообрабатывающей, машиностроительной, химической, судостроительной, электрической, кожевенной промышленности. В 1937 году насчитывалось около трех тысяч промышленных предприятий, но большинство из них составляло мелкие заведения, в которых было занято по несколько десятков и редко по сотне — другой рабочих.

* * *
Югославия — молодая страна. Она возникла в 1918 году, после первой мировой войны.

До того на Балканском полуострове была Сербия и Черногория — древнеславянские государства — да множество мелких славянских земель, провинций и территорий, которые входили в состав Турции и Австро-Венгрии. За последние сорок лет эти славянские земли объединились, образовали единое государство южных славян — Югославию.

По размерам своей площади (247 542 квадратных километра) и числу населения (15 миллионов человек) Югославия меньше, чем, например, наши две области — Московская и Воронежская, — вместе взятые, и вдвое меньше, чем Швеция. Но на этой небольшой сравнительно территории находятся, кроме Сербии и Черногории, еще Босния, Герцеговина, Далмация, Хорватия, Словения, Славония, часть Македонии и Воеводина.

Издавна славянские страны Балканского полуострова и в первую очередь Сербия являлись лакомой приманкой для Германии, Австро-Венгрии и Италии. Каждое из этих государств, иногда в течение целых веков, пыталось установить свое господство в странах Балканского полуострова. Одни старались этого достигнуть мечом и кровью, другие — дипломатическим и экономическим нажимом, подкрепляемым оружием. Потому история Югославии, вернее история народов, населяющих ее, — это непрерывная цепь жесточайших освободительных войн против угнетателей и захватчиков.

Борьба за гегемонию в славянских странах Балканского полуострова обуславливалась, кроме желания воспользоваться их природными богатствами, также и географическим положением этих государств. Они лежали в виде барьера на пути Германии,

Крестьяне спешат на воскресный базар... Такую картину часто можно встретить в селениях Югославии до оккупации. Немцы и итальянцы ограбили нацисто сербские и черногорские деревни, вывезли оттуда хлеб, увели скот.

Италии, Австро-Венгрии к Ближнему Востоку, к Азии.

Стремление овладеть природными богатствами страны, получить для Германии дорогу к Средиземному, а для Италии — к Черному морю, а также в Малую Азию, создать здесь плацдарм для дальнейшей экспансии, направленной против стран Африки, Азии а также против Советского Союза, — вот причины произошедшего на наших глазах варварского вторжения в маленькую страну немецких и итальянских полчищ.

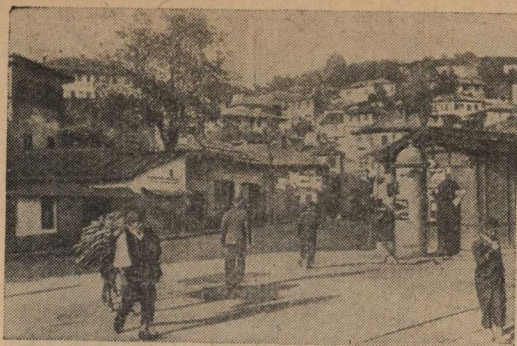
* * *

Основное ядро захваченной оккупантами Югославии — Сербия. До войны через всю Сербию — от Греции до Венгрии — мчались железнодорожные поезда, бесшумно неслись по шоссе дорогам автобусы и автомобили. Теперь автомобили и автобусы исчезли. Их сменили военные машины, броневики и танки оккупантов.

Медленно ползут поезда, будто ошупывая путь. Здесь то и дело случаются крушения. Немцы боятся ехать быстро. Партизаны заставляли их вспомнить русскую пословицу «Тише едешь — дальше будешь».

Поезд со скоростью лошади тащится через всю страну с юга на север, вдоль Македонских и Сербских гор.

Слева от полотна царство Шумава. Шумава — по-сербски лес. Некогда Сербия была одной из самых лесистых стран Европы. Ее дубовые леса служили надежным убежищем сербским повстанцам, борющимся против иноземного ига. «Кто срубает дерево, тот убивает серба», — так говорит древняя сербская пословица. Сейчас леса поредели, но все же почти треть площади страны покрыта ими. А на остальных землях раскинулись поля, луга, огороды, за-

Одна из улиц Белграда — столицы Югославии.

мечательные сады слив, яблонь, груш и роскошные виноградники.

Железная дорога вьется у подножия гор, покрытых густым лесом, проходит между полей и садов, перекидывается по высоким мостам через горные потоки, скрывается в темных тоннелях.

Наконец, поезд прибывает в Белград — торговый и стратегический центр Югославии, бывшую столицу Сербии, а затем Югославии, древний красавец город. Сейчас, когда здесь хозяйничают итальянцы и немцы, не осталось уже и воспоминания о том прекрасном Белграде, каким он был прежде. Теперь это город-полумертвец. Развалины табачных, текстильных фабрик окружают его. В центре, между домами, попорченными бомбами, с выбитыми стеклами, сорванными крышами, обрушившимися стенами, лежат пустыри, заросшие сорняком. Нет университета, закрыты музеи и библиотека, не работают школы.

У подножия холма, на котором стоит Белград, сливаются полноводные реки — Дунай и Сава. По Саве можно проехать на запад страны — в Боснию и Хорватию.

Маленький пароход с трудом подвигается против быстрого течения. Насколько хватает глаз, широко раскинулись поля, особенно на северном берегу Сава. Горы отошли далеко на юг. Полноводная Сава катит свои волны между бескрайних полей пшеницы, кукурузы, сахарной свеклы. Кое-где у берегов стоят небольшие баржи с громадными колесами, которые вращает сила течения. Это передвижные водяные мельницы, они ездят по реке и мелют зерно для прибрежных деревень.

После города Бродя Сава вновь подходит к горам.

Хребты Динарских Альп сменяют просторы полей Северной Сербии, Воеводины и Славонии. К югу от Сава лежит Босния. Босния — это Швейцария Востока. Здесь и труднопреодолимые горы, и долины, в которых зреет виноград, и поля с посева-

ми кукурузы, овса, пшеницы, и горные луга со стадами овец и коз, и роши ореховых деревьев, каштанов, лип.

Недра Боснии богаты железом, каменным углем, свинцом, серебром. Здесь находится большая часть фабрик, заводов, копей и рудников Югославии. Все это сейчас оккупанты пытаются восстановить, отремонтировать, исправить, чтобы заставить работать на себя. Но безуспешны их попытки. Мало того: даже те заводы, которые принадлежали немцам еще до войны, теперь выведены из строя «неизвестными лицами».

Сейчас Босния — очаг партизанской борьбы в Югославии. Борьба идет не только в отдаленных районах, но и вблизи главного города Боснии — Сараево.

В узкой долине, сжатой высокими горами и прорезанной живописной речкой Милачкой, лежит Сараево. Город до войны быстро рос, здесь возникали предприятия металлообрабатывающей, табачной, пищевой промышленности, расширялись старинные производства филигранных и медных изделий. Росло городское население, улицы предместий Сараева лезли все выше и выше по склонам гор, и потому издали он кажется кучей лагул, из-за которых не видно красивых зданий центра. Собственно, центра-то сейчас и нет: он разбомблен, сожжен, разрушен гитлеровцами.

Но растет счет мест маленькой жстерованной, но не покоренной страны. Нет сейчас ни одного уголка на этой родине героев, где не раздавались бы выстрелы в немецких и итальянских солдат. Множится число населенных пунктов, захваченных партизанами. Одних городов, освобожденных от оккупантов, насчитывается около двух десятков: Коњице, Любушки, Брод, Приedor, Прозор, Гламоч, Горни Вакуф и др. В селах и деревнях, в поселках, около рудников и заводов, в маленьких городках и в больших промышленных городах: Загреб, Любляна, Скопье, Новжи Сад, Тржиче и других — население с оружием в руках восстает против немецко-итальянских бандитов.

Недоступные горы, глубокие ущелья, охотничьи тропы, проложенные в древние времена смельчаками в скалах и теперь известные лишь местным жителям, подземные гроты и пещеры, густые дубовые леса — сама природа здесь помогает бесстрашным партизанам. Ни на минуту не утихая, кипит здесь ожесточенная борьба с ненавистными поработителями, борьба за свободу и независимость маленькой воинственной славянской страны.

Внуки гайдука Новака

Ю. Нейман

История Югославия в песнях. В сербской песне о гайдуках, вольнолюбивых людях, уходивших в горы бороться с поработителями родины, в старинной этой песне гайдук Богосав спрашивает у побратима своего Новака:

«...Какая у тебя неволя
По горам ходить, ломая шею,
Ремеслом гайдучьим заниматься?»

И в ответ «старина Новак», излюбленный герой сербского эпоса, рассказывает, почему он «крепко сердцем разлютился». Тяжкой работой, непосильными податями измучили его враги. Не стерпел Новак надругательства и взял в руки оружие.

Песню о Новаке, сложенную еще во времена вноземного владычества над Сербией, до сих пор поют в Югославии слепые гуслиеры. И юные сербы, черногорцы, босняки и хорваты, томящиеся под игом новых захватчиков, «слотуют сердцем», слушая, как поражал врагов родины бесстрашный гайдук, как бежал из неволи молодецкий его сын Груица. Ни золотом, ни лаской не удалось врагам подкупить сына Новака. Вскочил он на могучего коня, взял в руки саблю и ускорил гайдучить в родные горы...

Пятьсот лет прошло с тех пор. Душа народа не изменилась. Не покорить, не «приручить» врагам вольных людей!

«Усташа» — жандармы хорватского «правителя» Павелича — задумали перевоспитать молодежь Хорватии в фашистском духе. В Сараево было открыто для этого некое шкoл. Силой и хитростью начертали туда учеников и в течение зимы вдальбивали в их головы «моральные» правила палачей и изменников родины. Но вот пришла весна — и школы опустели. Те, из кого фашисты рассчитывали создать опору своей власти, бежали в... партизанские отряды.

В горах и лесах Югославия сейчас более двухсот тысяч отважных бойцов за свободу народа. Большинство из них очень молодо. Много среди них девушек — не только сестер и санитарок, но бойцов, командиров, комиссаров. Высоко чтут югославские партизаны память двадцатилетней Анджи Ранкович, заместителя комиссара, погибшей в боях с итальянцами.

Партизанская молодежь создает свои специальные батальоны — их около двадцати. На освобожденной территории: в Боснии, Герцеговине, Далмации, — так сказать, «в тылу» действуют особые молодежные группы. Их дело — снабжать партизан про-

Горная река в Герцеговине. Здесь, в неприступных ущельях, находят себе приют партизаны Югославии.

дуктами, заботиться о раненых, вести просветительную работу. У свободных югославских юношей и девушек свой орган — «Молодежная борьба». В большом количестве печатают они «боевые листовки» для жителей оккупированных областей.

На освобожденной территории своя жизнь, ничего общего не имеющая с жалким существованием рабов фашизма. Недавно здесь прошли демократические выборы с участием всего населения от восемнадцати лет. Свободу и независимость этих краев защищают партизаны.

Потомки древних гайдуков подобно делам своим чаще всего живут в лесных землянках. Но в этих землянках есть радио, приемники, связывающие партизан с миром. Почти каждый партизанский отряд выпускает стенгазету. Здесь сообщения с фронта, разбор последних боевых операций. Молодые партизаны постепенно овладевают военными навыками, изучают немецкое и итальянское оружие, захваченное в бою. Обычно партизан приходит в отряд почти что с голыми руками — свое вооружение он отбивает у врагов.

Иногда, в свободное время, юные партизаны слушают рассказы бывалых людей о народных героях.

— Милле Мечава, — говорит командир, —

вам доводилось слышать о партизане Милле Мечава?

И командир рассказывает, как Мечава ночью, подкрavшись к железнодорожным путям, взорвал фашистский бронепоезд. Однажды храбрый партизан ослепил вражеский танк, уничтожив экипаж через смотровые щели. Он попытался остановить и второе бронированное чудовище, но упал, сраженный пулей. Товарищи довершили дело Милле, захватив танк. Милле Мечава этого не увидел. Мертвый лежал Мечава на земле. А он бы еще показал себя врагу! Ведь ему было всего 24 года...

Немногом старше Милле другой славный герой Югославии — Пеко Дабчевич. Он самый молодой из членов верховного партизанского штаба. Сын гордой Черногории, ненавидящий дущителей свободы, он дважды был ранен в Испании — глубокий шрам пересекает его лоб. Еще там, в Испании, Пеко прославился своей храбростью. Он шел во главе батальона, переходившего реку Эбро. Из рядовых он выдвинулся в капитаны.

Когда фашисты одержали в Испании свою черную победу, Пеко Дабчевич подобно своему соотечественнику Косте Наджу был заключен во французский концлагерь. Больше года томился он там, тоскуя по родине. В одну из темных ночей он перерезал колючую проволоку и бежал. Преодолев сотни препятствий, добрался Дабчевич до родных краев. Печальной и порабожденной увидел он свою Черногорию.

Тогда Пеко с товарищами ушел в горы и кликнул клич. И услышали этот клич те, кому дорога честь отчизны, кто скорей умрет, чем станет лизать иезовский сапог.

Храбрецы собрались под знаменами, на которых написано: «Смерть фашизму! Свобода народу!»

Пеко Дабчевич повел их на штурм родного своего города Цетинье, и они захватили этот город.

Молод Пеко Дабчевич, но под его началом тридцать тысяч бойцов. Они слушают каждое слово командира. И старые, седые полковники тоже слушают его, потому что Пеко геройством своим добыл себе право командовать ими, потому что нет в Югославии честного человека, который не уважал бы Пеко Дабчевича

* * *

Не каждый партизан Югославии уходит в горы. Иной живет в захваченном врагами городе, днем работает на заводе, в учреждении. Ночью он служит только своему народу.

Ночью такой партизан неслышно подползает к полотну железной дороги, закладывает мину — и поезд с оружием или фашистскими солдатами с грохотом валится под откос. Только за июль тринадцать военных поездов потерпело крушение между Триестом и Люблянами.

Оккупанты не покорили горную страну, ни на минуту не чувствуют они себя здесь в безопасности. В хорватском городе Огулино был объявлен футбольный матч между «кустами» и итальянцами. Состязание хорватских эсэсовцев и итальянских солдат кончилось неожиданно. Его прервали партизаны, находившиеся среди публики. Открыв стрельбу, они отравили на тот свет около десятка фашистов.

Как изловить их, этих партизан? В оккупированный Загреб ночью пришел поезд с вооружением. Его разгрузили рабочие парни, грузчики. Дружно выносили они из вагонов ящики с винтовками и патронами. Наутро ничего этого не оказалось на вокзале. Груз бесследно исчез. Виновные не были найдены.

Через два дня на воздух взлетела электростанция, питающая ток вокзал Загреб. На месте происшествия опять-таки не оказалось никаких улик. Но «правосудие» ждало жертв, и жандармы захватили едва ли не первого встречного — молодого рабочего Садыковича.

Об этом рабочем известно лишь то, что он был родом из Герцеговины, из города Любушки. Садыковича расстреляли. В день его расстрела партизаны очистили от оккупантов родной город Садыковича.

Любушки — один из многих югославских городов, освобожденных партизанами за последние месяцы. Партизаны всюду. Они окружили Сараево, ведут упорные бои под Банья-Лука, вернулись в Сребреницу, откуда были временно вытеснены. Город Зворник фашисты рассчитывали задуть голодом, но партизаны пробрались сквозь кольцо врага в соседнюю деревню и доставили в город большой запас продовольствия.

Партизаны всюду. Бессильны репрессии, перед размерами которых не останавливаются фашисты. По официальному сообщению, в Белграде только за последние месяцы расстреляно 1750 заложников — родственников и друзей партизан. Пылают деревни, подожженные фашистскими «отрядами факельщиков». Все напрасно! Под страхом смерти не отдадут крестьяне Югославии свой урожай порабощателям. Они поджигают молотилки, прячут, закапывают в землю хлеб. Пусть из одного зерна не достанется проклятым псам!

Озверевшие оккупанты вешают, расстреливают, топят в Дунае сотни ни в чем неповинных женщин и детей. До предела переполнены тюрьмы. Но время от времени защитники народной свободы штурмуют темницы и казематы и увозят с собою исхудавших, оборванных, наполненных ненавистью людей — новых бойцов партизанской армии.

Крепнут силы партизан. Растет их популярность. Потомки вольнолюбивого гайдюка Новака, они не на жизнь, а на смерть бьются с ненавистными захватчиками.

Полевая почтовая

Текст и фото

— Роянок приехал!

При этих словах бойцы мгновенно выскочили из блиндажей. Прислонив свой велосипед к дереву, стоял, улыбаясь, почтальон Николай Роянок. Он уже доставал из своей заветной сумки пачку писем, когда к нему первым подбежал гвардии красноармеец Сергей Трушечкин (верхний снимок слева).

Письма, газеты быстро стали расходиться по рукам. На минуту — две воцарилась торжественная тишина, и только в момент, когда наш веселый почтальон сел на свой самотаз, один из стоящих в стороне гвардейцев вдруг вскрикнул:

— Братцы, да Роянок с медалью! Поздравляю!

Опять почтальон был окружен тесным кольцом бойцов и командиров. Только сейчас все заметили на груди у своего товарища медаль «За боевые заслуги».

— Поздравляю, поздравляю! — слышались крики, и добрый десяток рук тянулся к смущенному почтальону...

...В густом сосновом бору располагалась полевая почтовая станция № 482. С самого раннего утра до позднего вечера здесь кипит работа. Пять девушек-москвичек, недавно окончивших специальные курсы военно-почтовых

с т а н ц и я № 482

Б. Котельникова

работников, принимают, отправляют письма, денежные переводы, газеты.

В 6 часов утра грузовик привозит сюда с армейской почтовой базы опечатанные мешки с корреспонденцией. Девушки проворно рассортировывают ее по подразделениям, а затем вручают пачки писем и газет почтальонам. Эти моменты показаны на двух нижних снимках: слева — комсомолки-приемщицы Зоя Каледова и Вера Кузнецова раскладывают письма; справа — Вера Кузнецова раздает корреспонденцию почтальонам А. Толчинскому (держит за повод лошадь), А. Нелюбеву и Б. Неклюдову (с велосипедом).

...А потом все происходит, как в описанной вначале сценке. Не Роянок, а, скажем, Борис Неклюдов влетает на велосипеде в расположение минометного дивизиона, и весть о его появлении тут же разносится по блиндажам. Раздав корреспонденцию, Неклюдов подходит к дереву, где прибит почтовый ящик, и вынимает оттуда письма фронтовиков (снимок вверху, справа). В 14 часов комсомолец Борис Неклюдов снова на ППС. Сейчас вторая почта: на аэроплане из Москвы доставлена сегодняшняя «Правда». Опять под навесом в основном лесу большое оживление. Девушки раскладывают свежую, еще пахнущую типографской краской газе-

ту, принимают от прибывших почтальонов письма гвардейцев...

Рисунок Б. Малкина

Оскал хищного зверя

М. Романовский

Политработник одной из частей Действующей Красной Армии М. Романовский с начала войны ведет опрос немецких военнопленных. Мы публикуем выдержку из его полевого дневника — запись опроса военнопленного Эргарда Пеллера, командира 8-го отряда 28-й бомбардировочной эскадрильи.

«Вопрос. Пеллер, капитан Пеллер?! Знакомая фамилия! Вашу фамилию часто склоняли германские газеты. Верно?»

Ответ. Да. Репортеры умеют разводить всякую чушь...

Вопрос. Где родилась Ваша слава?

Ответ. В небе над Англией.

Вопрос. Вы кавалер рыцарского креста?

Ответ. Нет, не успел добиться. Для этого необходимо разрушить исключительно важный объект. Чуть ли не повлиять на исход войны.

Вопрос. А Лондон, Шеффельд, Оксфорд, Кембридж вы бомбили? Вы же беспощадно бомбили эти города?

Ответ. Для получения рыцарского

креста необходимо полностью разрушить объект.

Вопрос. Город Ковентри вы бомбили?

Ответ. Бомбил. Действительно, там тлели камни. Горы пепла.

Вопрос. И за такое дело вы не получили рыцарский крест?

Ответ. За год бомбежек Англии я стал кавалером серебряного знака германских пилотов, «железных крестов» первой и второй степеней. Рейхсмаршал авиации Геринг пожаловал мне почетный бокал... Но, конечно, другой бы на моем месте...

Вопрос. Сумел бы получить больше?

Ответ. Не всякий, чорт побери, сменил за такой короткий срок пять самолетов!

Вопрос. И сохранил себя для нации?

Ответ. И сохранил себя! Действительно, странно, почему запоздало награждение меня золотым знаком. Я давно имел необходимые сто десять вылетов.

Вопрос. Может быть, штабные интриги?

Ответ. Странно, что я не получил золотой знак. Пусть я сейчас в плену, но за прошлое ж мне полагалось! В непогоду, при встречном ветре не так-то просто стартовать с тяжелым бомбовым грузом! Гроза, сверканье молнии, слепой полет. Липнешь глазами к приборам. И вот в составе своей воны ты над Лондоном. В назначенные секунды, не нарушая строя, сбрасываешь порцию «малюток» и пару тысячекилограммовых бомб.

Тысяча килограммов! Вот это штука! Она падает на улице и образует крохотную воронку. Такую «крохотную», через которую надо строить мост: иначе не проедешь. Взбешенные «томми» поднимают вверх столбы заградительного огня. Огонь пробивает туман, ищет тебя. Кто осмелится сказать, что такой полет не требует хладнокровной нервной системы? А все-таки надоело. Всегда одно и то же.

Вопрос. Что значит «одно и то же»?

Ответ. Бомбежка — поворот — назад. Правда, немного развлекает лунная ночь. В лунную ночь опаснее, но приятнее бомбить. Можно и без светобомб. Блестят извилины Темзы. Хорошо видно пламя. «Томми» не могут пожаловаться на нашу скупость. О, мы достаточно щедры! Не жиденькое, худосочное пламя, а целый пир огня бьшует внизу под крыльями наших «Хейнкелей». Горят костры в Сити, горят громадные костры в гавани, на окраинах, на площади в сто квадратных миль вокруг Пикадилли¹. Но это — еще не все. Мы улетаем за Ла-Манш, а на проклятых островах все еще взрываются бомбы замедленного действия и пожарные заливают дымящиеся развалины зданий. Они заливают день, ночь и будут заливать еще сутки, еще двое суток, а потом налетим мы и зальем так, что им уже больше не придется заливать. Рухнутся стены...

Вопрос. Под обломками их погибли тысячи ни в чем не повинных людей?!

Ответ. А разве я не страдаю? Как-то «Бленхейм»² так продырявил меня, что не знаю, как дотянул до площадки, а потом насчитал двадцать пробоин... Англичан надс прочувать. Мы любим делать все основательно. И любим делать основательно.

Вопрос. Известно ли Вам, что англичане сейчас основательно бомбят военные объекты Германии?

Ответ. Нам нужно разбить англичан. Из всех многочисленных врагов Германии самый смертельный враг — англичане.

Вопрос. Почему?

Ответ. Так сказал фюрер.

Вопрос. Этим объясняется все?

Ответ. Да, я верю Альольту Гитлеру. При старом режиме с его стотысячной армией рейхсвера разве я мог бы продвигаться в офицеры, получить знаки отличия?..

Вопрос. Любоваться лунными ночами видом горящего Лондона?

Ответ. О, если бы я сейчас имел возможность вылететь на своем бомбардировщике в Англию, с какой любовью я бомбил бы Лондон!

Вопрос. А Москву?

Ответ. Я в русском плену. Мне неудобно отвечать на этот вопрос. Проклятые «томми»! Им, видно, мало досталось на островах: они еще вздумали помогать русским. О, с каким жаром я бомбил бы сейчас Лондон!

— Нет, капитан, больше вы никогда не подыметесь над Лондоном! Вы обезвреженный хищник. Об этом позаботился советский пилот.

Ответ. Я не побежден! Я не считаю себя побежденным!

Вопрос. Вас, кажется, основательно трянуло?

Ответ. Сумасшедшей силы толчок! Das Rammen! Таран! Это возможно только в России. Я жертва большевистской авиационной тактики. Нет, это не джентльменский способ боя.

Вопрос. Вы способны спокойно описать то, что произошло?

Ответ. Я вылетел с аэродрома в составе двух «Хейнкель-111», имея задачу выяснить направление движения советских войск вплоть до города Р. и наметить цели для бомбежки.

Вопрос. Все?

Ответ. Да. Цель полета — аэрофото съемка.

Вопрос. Вылетая с разведзадачей, вы не прихватили с собой бомбовый груз?

Ответ. Да, но это не было целью полета. Бомбовый груз я захватил попутно.

Вопрос. И попутно вы сбросили над городом Р. тысячекилограммовую бомбу?

Ответ. Да. Я сделал это.

Вопрос. Вы решили еще раз полюбоваться сверху воронкой, через которую надо строить мост? И пожарами? И трупами на земле?

Ответ. Я бомбил с высоты трех тысяч метров. Я не мог различить, кто там внизу.

¹ Пикадилли — площадь в Лондоне.

² «Бленхейм» — английский ночной истребитель.

Вопрос. А куда вы швырнули бомбу?

Ответ. Я швырнул бомбу в эшелон с танками и сфотографировал взрыв.

Вопрос. С высоты трех тысяч метров вы различили эшелон с танками, а эшелон с беженцами на открытых платформах не заметили? Какое острое зрение в одном случае, и какая близорукость в другом! На вокзале в Р., на железнодорожных путях, не было никакого эшелона с танками.

Ответ. Считая, что попал в эшелон с танками, я лег на обратный курс.

Вопрос. Куда?

Ответ. Через город П. назад на аэродром.

Вопрос. Над Р. вы израсходовали весь бомбовый груз?

Ответ. Нет.

Вопрос. Кое-что осталось?

Ответ. Да.

Вопрос. Берегли для П.?

Ответ. Да.

— Продолжайте.

— Вторая машина шла в двух километрах справа от меня. Спустил пять минут на высоте трех тысяч метров мой стрелок обер-фельдфебель Гайстер сообщил: «Нас преследует истребитель». Стало туго.

Вопрос. Почему туго? Разве «Хейнкель-111», современная машина, вооруженная пятью пулеметами и автоматической пушкой, не может драться с истребителями?

Ответ. Экипаж был так рад нашему успеху в Р., что мы не обнаружили вовремя советский истребитель «Рата-18»¹. Он подкрадся. Он появился на дистанции сто пятьдесят метров. Это — ничтожное расстояние в воздухе. Он шел на сближение. Было поздно. Я приказал открыть огонь! Огоны! Огоны! Русский тоже повел огонь. Впереди, рядом клубились тучи.

Вопрос. Вы хотели спрятаться?

Ответ. Исчезнуть, раствориться! Но, к сожалению, истребитель понял мое намерение. Он обстрелял меня — не попадал. Я ликовал: ужогу. Тучи. Как вдруг радист проревел в телефон: «Отжимай рычаг! Он хочет таранить!»

Я отжал рычаг, стремясь спуститься ниже, поставил машину на голову, но было поздно, поздно, поздно. У самых туч толчок сзади — и моя машина произвольно взяла высоту. Идя на скорости четыреста — четыреста пятьдесят километров в час, русский врезался в меня. Консолью правой плоскости срезал хвост моей машины! Я бы считал это басней, выдумкой барона Мюнхгаузена, если бы сам не пережил... Я попытался выправить машину — не вышло: хвостовые рули были обломаны. Я приказал всем прыгать, прыгать! Радист и стрелок прыгнули.

¹ «Рата-18» — так называют советский истребитель «И-18» германские пилоты.

Наблюдатель, чрезмерно возбужденный, то бросался к рычагу управления, то щупал лямки парашюта. Не дождавшись его прыжка, я сам высунул голову и туловище в верхний люк. Машину перевернуло. Я не успел даже высвободить ногу. Поток воздуха придал меня, оторвал. Отбросил к разбитой хвостовой части. С израненной грудью, с поврежденным парашютом я полетел вниз. Несся к земле с бешеной, удвоенной скоростью. Но fortuna не изменила мне: я приземлился, сломав лишь одну ногу, на многолюдной улице русской деревни. О судьбе экипажа не знаю.

Вопрос. Судьба экипажа вас не очень тревожит?

Ответ. Разумеется. Я занят собственной судьбой.

Вопрос. Вы заявили, что не считаете себя побежденным. Как это понять?

Ответ. Таран — непризнанный метод боя. Я высоко оцениваю качества таранящего. Эти качества можно только хвалить; но таран... Почему таран? Мы — против. Мы не воюем так. Хороший истребитель — это значит хорошее бортовое вооружение. Пилот должен умело применять бортовое вооружение...

Вопрос. Ну, а если пилот видит, что враг сейчас ускользнет от него? Если кончились боеприпасы во время схватки?

Ответ. Почему пилот должен снять именно этого врага? На его долю и других хватит.

Вопрос. Сейчас вы летели в П.?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы собирались бомбить П.?

Ответ. Да.

Вопрос. А у летчика, который вас протаранил, в П. живет мать. Что вы скажете?

Ответ. А-а...

Вопрос. Нет! В П. не живет его мать. Там живут его невеста, брат, сестра. Что вы скажете?

(Военнопленный молчит.)

Вопрос. У этого летчика в П. не живет семья. Его семья в другом советском городе, и к этому городу, быть может, сейчас подкрадывается такой же «Хейнкель». Так может ли наш пилот пропустить врага, не вообще врага, а каждого, конкретного, летящего в эту минуту, на этой высоте, вас, военнопленный капитан Пеллер?

Ответ. Но ведь он жертвует жизнью, ставит жизнь на карту. Он же заранее обрекает себя на гибель!

Вопрос. Он прикрывает своей жизнью свою семью, свою родину. Вам понятно, что это значит? Впрочем, могу сообщить, что и при таране мастерство нашего пилота чаще всего позволяет

ему остаться в живых. Вы же разговаривали с живым победителем?

Ответ. Я не признаю себя побежденным. Таран...

Вопрос. Не все ли равно, как вас свалили на землю: ударом в голову или под лопатку. Вы разговаривали с победителем?

Ответ. Да. Мне показали его. Он представился и отругал меня.

Вопрос. За что?

Ответ. За то, что я хотел уйти в тучи.

Вопрос. Увильнуть от боя?

(Военнопленный молчит.)

Вопрос. Еще о чем шел разговор?

Ответ. Он очень молод, лет девятнадцати. Худошав, высок, блондин. Но очень, очень невежлив. Он показал мне кулак. Я спросил: «Вы шутите?» — а он отвернулся. Нет, он не кавалер! Я задал ему вопрос, как он спустился, он ответил: «Прекрасно» — и снова ругался, что ему пришлось идти на таран. Ему, как видно, было жалко своей машины.

Вопрос. Понимаете ли вы наконец, что он вынужден был вас таранить, чтобы не упустить?

Ответ. Давно понял. Может быть, таран в некоторых случаях целесообразен. Мы шли на Москву. Ваши зенитки крошили небо. Ваш горящий истребитель врезался в наш бомбардировщик. Я думаю, это было проликовано стремлением не допустить бомбежки Москвы. Повторяю: мое личное мнение, может быть, таран в некоторых случаях целесообразен: когда нет другого способа поразить неприятеля.

Вопрос. Вы признаете целесообразность тарана? Почему же немецкие летчики не идут на таран?

Ответ. Не знаю.

Вопрос. Но вы же сами признали, что в некоторых случаях это целесообразно?

Ответ. Это — мое личное мнение.

Вопрос. Выскажите ваше личное мнение: почему германские летчики не идут на таран?

Ответ. Можно идти на таран, когда ты в безопасности, когда твоя машина имеет броню не меньше 3 сантиметров. Но таких летающих танков нет. Самая плотная броня — 8 — максимум 10 миллиметров. На пикирующих самолетах броня крепится только под мотором и сиденьем пилота. Эта броня укрывает только от винтовочного и пулеметного огня. У моего «Хейнкеля»

(это не секрет, вы немало сбили «Хейнкелей») бронировано сиденье пилота. И задняя часть фюзеляжа имеет бронированный щит для защиты экипажа.

Вопрос. Это не гарантирует спасение при таране?

Ответ. Это не гарантия спасения при таране. Только частичное прикрытие. Действительно, верный способ — таран! Я за таран, если весь самолет построен из солидной стали, если он весь бронирован.

Вопрос. С головы до пят, как рыцарь в средние века?

Ответ. Да, но это невозможно.

Вопрос. Значит, немецкие пилоты не идут на таран потому, что не создан бронированный самолет, летающий танк?

Ответ. Да.

Вопрос. Немцы — поклонники целесообразности. Вы сами признали, что в некоторых случаях в современном бою таран целесообразен. Почему же все-таки немецкие летчики, признавая целесообразность тарана, не идут на таран?

Ответ. Я не знаю мнения всех. Я могу отвечать за себя.

— Говорите за себя.

— Я бомбардировщик. Я атакую не самолет, а наземную цель. Мне незачем лезть на таран. Я не истребитель.

Вопрос. Ну, а если бы вы были истребителем, то отважились бы на таран?

Ответ. При боевом вылете всегда рискуешь. Но есть риск и риск. При таране все становится слишком явным. Сразу заносишь меч над собой.

Вопрос. Значит, на самопожертвование вы неспособны?

(Военнопленный молчит.)

Вопрос. Найдите в себе немного мужества, чтобы честно ответить на два вопроса.

Ответ. Я готов.

Вопрос. Какую цель лично вы преследуете в войне против СССР?

Ответ. Моя карьера...

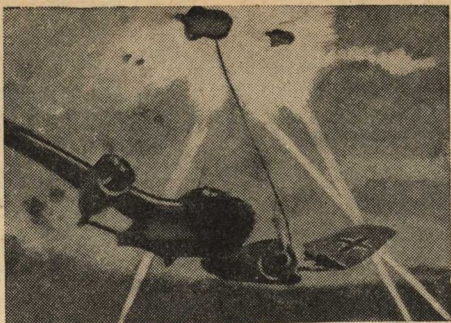
Вопрос. Какую цель, по-вашему, преследует советский летчик, с риском для жизни протаранивший вас? Тоже карьеру?

Ответ. Мне кажется, у него что-то другое.

Вопрос. Что?

Ответ. Это политика. Я всегда сторонился политики.

Так окончился опрос матерого фашистского волка. Слава советскому пилоту, очистившему наше небо от этого хищного зверя!

...Аэростат только что поднялся вверх, как послышался гул немецкого самолета. Потом раздался оглушительный треск: крылатый хищник сразмаху врезался в стальной трос аэростата и начал распадаться на части...

Воздушные часовые

Майор А. Крымов

Впервые аэростаты воздушного заграждения были применены в 1916 году итальянцами для обороны Венеции и Ундино. В то время австрийские самолеты производили частые ночные налеты на эти города. На подступах к Венеции итальянцы установили около 70 аэростатов. Эта мера вполне оправдала себя: в первую же ночь австрийцы потеряли 8 самолетов, а затем почти на целый год вовсе отказались от воздушных атак на Венецию.

Опыт итальянцев был вскоре заимствован англичанами, потом французами, немцами и австрийцами. В 1917 году французы установили аэростаты для обороны металлургических заводов в районе города Нанси, затем в Дюнкерке, и, наконец, воздушные заграждения появились вокруг Парижа. Налеты германской авиации на эти пункты прекратились. В свою очередь, немцы поставили стальной частокол в воздухе, защищая от вражеского нападения металлургические заводы в Саарской области, химические предприятия в Людвигсгафене и других местах. Нападения англо-французской авиации на эти районы также прекратились. Между тем до появления аэростатов заграждения германские заводы только в одном районе Саарбрюкена подверглись воздушной бомбардировке 54 раза.

Стальной трос, которым аэростат связан с землей, представляет большую опасность для самолета. Современные скоростные бомбардировщики покрывают в час расстояния свыше 500 километров. Скорость пикирующего бомбардировщика в момент пи-

кирования приближается к скорости звука — 300 метров в секунду. Не удивительно, что при столкновении самолета со стальным тросом, на котором держится аэростат, получается сильный удар, способный вызвать аварию машины.

Известно немало случаев гибели и тяжелых повреждений самолетов при столкновении с тросом. Так, 23 июля 1917 года четыре австрийских самолета попали в итальянскую сеть воздушных заграждений. Наблюдатели рассказывали, что удар был настолько сильный, что у самолетов отлетели винты. Все самолеты погибли. Точно так же вскоре разбилось несколько английских бомбардировщиков, наскочивших на немецкие аэростаты заграждения.

Разумеется, не всякий раз, как самолет налетит на трос, он погибает. Степень поражения машины зависит главным образом от того, какой частью конструкции задевает самолет о трос.

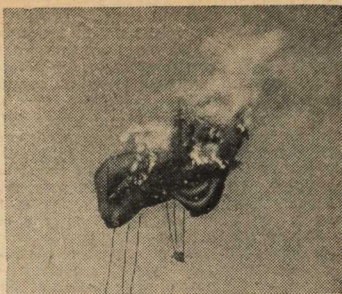
Что представляет собой современный аэростат воздушного заграждения? Это большой прозвешенный баллон, наполненный каким-нибудь легким газом — обычно водородом. В задней части баллона устроены горизонтальные и вертикальные рулевые поверхности (оперение), которые придают ему устойчивость во время ветра. Ввысь баллон поднимает тонкий, но очень прочный стальной трос, который намотан на барабан лебедки, служащей для подъема или спуска аэростата. Лебедка эта устанавливается на автомобиле, и поэтому аэростат можно поднять то в одном, то в

другом месте и даже передвигать по воздуху.

В Англии аэростаты воздушного заграждения делаются объемом в 625 кубических метров. Оболочка аэростата и цилиндры с сжатым газом перевозятся на том же автомобиле, на котором смонтирована и лебедка. Команда, обслуживающая аэростат, состоит из десяти человек. В течение двадцати минут они заполняют оболочку газом, а затем за десять — пятнадцать минут поднимают аэростат на боевую высоту. При подъеме аэростата команда тщательно проверяет, надежно ли трос прикреплен к лебедке. Недавно в Англии было несколько случаев, когда ветер срывал аэростаты заграждения и уносил их далеко в море, к берегам Дании и Норвегии. Тросы сорванных аэростатов задевали по пути строения, провода связи и электрической сети и производили большие разрушения.

Несмотря на то что аэростаты воздушного заграждения относительно несовершенны, они являются все же грозным препятствием для неприятельских самолетов. Достаточно указать на то, что немцы вынуждены были выделить специальные самолеты для уничтожения английских аэростатов. Аэростаты поднимаются теперь до высоты 4—5 тысяч метров. Это заставляет противника вести бомбардировку объектов, защищенных воздушным заграждением, с высоты не менее 5—6 тысяч метров. А в этих условиях трудно вести прицельное бомбометание. Аэростаты надежно прикрывают обороняемые объекты от атак штурмовой авиации и пикирующих бомбардировщиков, которые опасны именно тем, что действуют на низкой высоте.

Аэростаты заграждения, как правило, устанавливаются в воздухе группами. Располагают их по кольцу (вокруг обороняемого объекта) или в шахматном порядке. Но кольцевое расположение требует слишком большого количества аэростатов, и главное, не прелотвращает опасности атак пикирующих бомбардировщиков. По-

Гибель аэростата, подожженного неприятельским самолетом.

этому аэростаты воздушного заграждения располагаются преимущественно в шахматном порядке. При этом расстояние между аэростатами колеблется (в зависимости от высоты их подъема) от 400 до тысячи метров. Такой интервал может показаться читателю слишком большим. Но практика утверждает другое: современные самолеты летают настолько быстро, что летчик не в состоянии сманеврировать в таких интервалах и машина должна задеть какой-либо из тросов.

Заграждения в воздухе прикрывают теперь многие крупные города, промышленные центры, железнодорожные узлы, порты, важные в стратегическом отношении мосты и т. п. Особенно много аэростатов заграждения в Англии. 800 «воздушных часовых» круглые сутки несут боевую вахту над Лондоном. Устье реки Темзы также прикрывается аэростатами заграждения. Часть аэростатов (на небольшой высоте) установлена на баржах и судах вдоль юговосточного побережья Англии. Это должно мешать немцам минировать побережье, так как мины теперь часто сбрасываются в море с самолетов.

В английском «госпитале воздушных слонов». Женщины зашивают раны одного из ветеранов воздушной войны.

Э то произошло в первые недели немецкого вторжения. Война двигалась тогда на восток, наши бойцы отступали, горечь неудач тяжелым обручем сжимала сердца людей.

В глубоких сумерках группа наших бойцов, в том числе и командир подбитого немцами танка Петро Колодуб, перебирается на челне через Десну. И вот здесь, на просторах погруженной во мрак реки, возникает горячий разговор о поведении человека на войне, о том, что он может и не может делать. Собственно, разговор этот односторонний: говорят главным образом перевозчики, старые украинские деды, а бойцы лишь изредка, встревоженные общедом, звучащей в разгневанных словах рыбаков, вставляют реплики.

На что гnevаются деды? На малодушие. Об этом они сразу, со всей прямоотой и резкостью сказали свое слово, едва бойцы попросили перевести их на другой берег реки.

«— Не знаю, чего они так тикают,— сказал дед Платон, идя за Савкой к реке...

— Чего они так той смерти боятся? Раз уж война, так ее нечего бояться. Уж если судилась она кому, так и не сбежишь от нее никуда.

— Эге! — согласился Савка. — Уж, как говорится, ни в танке не спрячешься, ни в печи не замаяжешься».

С невыразимой болью переживают старики фронтные неудачи, их мучает мысль, что молодые, здоровые хлопцы, как вот эти, что сидят сейчас в челне, не умеют «себя соблюсти», что они роняют воинскую честь, а в глазах дедов — это великий грех.

«— Не знаю, как ты, Савка,— сказал Платон,— а меня бы с Днепра, с Десны не то что Гитлер, а сам нечистый не выгнал бы, не к ночи будь помянут, прости господи.

— Легко сказать, дедушка. А вот посмотрели бы вы на танкетки! — оправдывался лейтенант Сокол.

— Ну и что ж? — перебил его Платон. — Сколько она может убить вас, танкетка? Все равно вам же придется их разбивать, не мне. Я свое отвоювал. А вот Левко мой на Халхин-Голе, слышали, что сделал с этими, как их... Танкетки!.. — разгневался дед. — Людская душа молодецкая сильнее всякой танкетки...»

Вера в несокрушимую силу стойкости человека дышит в каждом слове Платона. Он знает, что законы войны суровы, что на войне бьют слабого и неумелого. И когда один из сидящих в челне замечает: «Наша часть вынуждена была отступить», — старик едко отвечает:

«— Балакай. Не умели биться. Вот тебе и отступление... Что в войсковом уставе сказано про войну? Ну? Сказано: коли целишь в ворага, возненавидь цель.

— А где ваша ненависть? — подхватил Савка.

— Эге! А умирать боитесь. Значит, не ма у вас живой ненависти. Нема! — дед Платон даже крикнул и привстал на корме».

Очень своеобразно и тонко размышляет дед о ненависти. Если это — глубокое чувство, если оно наполняет до края душу человека, то не страшится он смерти. В ком горит яркое пламя ненависти, тот храбро дерется и гордо умирает. Настоящая ненависть испепеляет жалость.

«— Пьете вы, я вижу, горе и тоску. Зря пьете. Это, хлопцы, не ваши напитки. Это напитки бабские. А бойцу надо сегодня напиться крепкой лютооти к врагу до злости... Побеждають быстрые да сердитые, а не жалостливые! — сказал дед Платон и умолк. Он высказал, наконец, свою мысль. Это была его правда. Он возвышался на корме, суровый и красивый, и смотрел вперед по верх нас».

...Ночь. Землянка. Скрыты в полумраке лица бойцов, тесным кружком обступивших своего прославленного командира. Завтра он поведет их в бой. Но сейчас, в последние минуты затишья, им хочется знать, откуда у него — человека на вид не очень здорового, маленького — берется бесстрашие и неутомимость, почему он из любого пекла выходит победителем.

И, отвечая бойцам, командир вспоминает памятную ночь на Десне. Он вышел на берег совершенно опустошенным и в то же время новым человеком, как будто утопил он в реке и свою печаль, и тоску, и отчаяние отступления.

«— Сейчас я Герой Советского Союза. Много я уничтожил врага, что и говорить. Много подстрелял в наступлении и гусеницами подавил немало. Бывало, поверите, тошнило от хруста немецких костей. И сам попадал не раз в перелет. Но где б я ни был, как бы ни бушевали вокруг меня вражьи ветры, им никогда уже не погасить того огня, что зажег во мне когда-то в челне дед Платон... Что наша жизнь? Что наша кровь, когда страдает вся наша земля, весь народ? — голос капитана зазвучал, как боевой сигнал...»

Таково в основных чертах содержание рассказа А. Довженко «Ночь перед боем»¹. Это превосходный рассказ: фигуры героев яркие и выпуклые, их чувства находят горячий отклик в душе читателя: думаешь с волнением о воинской чести, которая окрыляет и приподнимает людей, о силе гнева

¹ Рассказ недавно издан Воениздатом в «Библиотеке красноармейца». «Ночь перед боем» печатается также в книжке А. Довженко «Великое товарищество», выходящей вскоре в «Библиотеке «Огонька».

и ненависти («Я, хлопцы, в бою сторукий»,—говорит про себя Колодуб), о подлинной стойкости человека, которая сметает все преграды и встает несокрушимой стеной на пути врага...

Не так давно в черный список злодеяний немецких вандалов была внесена новая запись: трагедия Либице. Этот маленький горняцкий поселок в 30 километрах от Праги был начисто сметен с лица земли, а его жители физически истреблены фашистскими бандитами.

«Ровно в 10 часов утра прозвучала труба. Прибыл начальник гестапо в Чехии. Он передал своему адъютанту запечатанный пакет, в котором был приказ Гитлера. Вот что гласил этот кровавый приказ:

«Чтобы предодать устрашающий пример, признать поголовно всех жителей Либице ответственными за вину чешского народа—за покушение на Гейдриха. Всех жителей деревни—мужчин старше 14 лет казнить, женщин заключить в концлагерь пожизненно, детей направить в воспитательное учреждение с особым режимом. Дома в деревне сравнять с землей и самое названное «Либице» изъять из всех списков...»

...На площади воцарилась мертвая тишина. В каком-то жутком оцепенении все прошались друг с другом—мужья с женами, отцы и матери с детьми... Старый деревенский учитель запел погребальную песню. Его звучный баритон хоронил деревню. И жители Либице подхватили похоронный гимн. Он звучал все громче и громче. Его потом услышали в Кладно, в Чехии, во всем мире».

Да, весть о трагической гибели Либице облетела весь мир, она прозвучала как зобатный призыв к борьбе против злейшего врага человечества—фашизма.

В книжке Зольтана Вейнбергера «Либице»¹ собраны рассказы и очерки о молодых участниках антифашистского движения в оккупированных странах Европы. Их немало, этих юношей и девушек, страстно ненавидящих поработителей своей родины. Лучшие представители свободолюбивой молодежи уже вошли в историю: такова юная белградская девушка партизанка Вера, французский патриот Поль Коллет, обессмертивший свое имя выстрелом в предателя Лавалю, храбрый эльзасец Мар-

сель Вейд, вожак боевой группы молодых патриотов, совершивший десятки диверсионных актов в тылу немецких оккупантов.

Молодой голландец Поль Схевель принимал по радио шифрованные материалы патриотических организаций, находящихся за границей. Оккупанты напали на след подпольного радиопередатчика. Они пытали и мучили 18-летнего юношу, хотели вырвать у него тайну шифра. Поль молчал. Тогда изверги привели в застенки отца и сестру патриота. С глубокой тоской смотрел Поль на близких людей. Он знал, что их казнят, если он не выдаст ключа к шифру, и все-таки не выдал. На его глазах фашисты расстреляли отца, сестру. Потом к стенке поставили мать. Сердце Поля разрывалось от жалости и боли, от лютой ненависти к врагам, но он решил во что бы то ни стало сохранить тайну. «Как подobaет настоящему патриоту, он ждал смерти с высоко поднятой головой, и когда фашисты направили на него дула винтовок, он громко воскликнул: «Да здравствует свободная и независимая Голландия!»

Так проходят по страницам книги люди большого и смелого сердца, предпочитающие яростную, подчас неравную борьбу жалкому существованию в рабских окопах.

Вот история юного партизана Герта Гансена. На путь борьбы с оккупантами его толкнула героическая смерть отца—известного патриота Норвегии. Когда сын узнал о казни отца, он решил отомстить за него. Он отправился в Скулерод, явился в дом к бургомистру и заявил ему:

«— Я пришел, чтобы на могиле отца проститься с великим норвежским патриотом и посмотреть в глаза предателю нашего народа, выдавшего моего отца фашистам. Этот предатель—ты, бургомистр Кристиансен».

С этими словами юноша выхватил револьвер и трижды выстрелил в предателя. Потом он выбежал из дома и скрылся в горах. Он присоединился к норвежским партизанам. «Немцы ищут Герта. За его голову они предлагают столько же, сколько в свое время предлагали за голову отца. Но свободолюбивый норвежский народ гордится сыном героя. Он скрывает его от фашистов, и по всей Норвегии о нем говорят: «Вот сын, достойный своего отца!»

В очерках и рассказах Зольтана Вейнбергера читатель найдет обильный материал, рисующий облик передовой, патриотической зарубежной молодежи, ставшей на путь непримиримой борьбы с фашизмом.

С. Фин

¹ Книжка издана «Молодой гвардией», в ней 60 страниц. Цена—1 руб.

Патрон

По-латыни слово «патрон» имеет несколько значений: покровитель, защитник, помощник. Почему же гильза с пороховым зарядом получила такое странное название?

Припомните, как долго и утомительно заряжали в старину ружья. Затворов тогда не знали. Заряд забивался шомполом через дуло. Сначала в дуло насыпали порох, затем забивали пыж и, наконец, кусок свинца — пулю. Когда засыпали порох, то его приходилось отмеривать порциями. Но, понятно, человеческая рука — не весы, и порции получались то слишком большими, то слишком маленькими, а поэтому

и заряд был то слабым, то чересчур сильным.

Чтобы устранить эти ошибки, порох стали заранее разделять на порции. Каждую такую порцию насыпали в маленький цилиндр, сделанный из дерева. Позже цилиндрики стали бумажные. Засыпав порох в дуло, стрелок заталкивал туда и бумажный цилиндр в качестве пыжа. Это сильно облегчило труд стрелка. Вот потому такой цилиндр и назвали патроном, то есть помощником.

В 1827 году Николай Дрейзе предложил усовершенствованный унитарный патрон. Состоял он из бумажной гильзы, куда насыпали порох, затем шпигеля (цилиндра) с лепешкой ударного состава и яйцевидной свинцовой пули. Патрон этот заряжался с дула.

После австро-прусской войны 1866 года все армии мира начали применять патрон и ружья, заряжающиеся с казны. Тут-то и было обнаружено, что бумажные гильзы крайне неудобны: во-первых, в них надо вставлять шпигеля, во-вторых, порох в бумаге часто портился от сырости, отчего получались осечки. Несколько лет спустя ружья стали заряжать металлическими гильзами. В каждой гильзе находились и порох и пуля. Такую гильзу по старой памяти называли патроном.

Револьвер

Когда появился револьвер?

На этот вопрос трудно ответить. Сохранилась старинная гравюра, на которой художник воспроизвел оружие, носившее название «револьвер». Выглядел он очень громоздко. На поворачивающемся горизонтальном круге, сделанном из дерева, были расположены радиусами небольшие стволы. Они заряжались заранее. Во время боя стрелок поочередно наводил на цель каждый ствол и зажигал фитиль. Таким образом оружие делало серию выстрелов, которые довольно быстро следовали один за другим.

Револьвер в том виде, в котором мы его знаем, появился сравнительно недавно, в середине XIX века. Изобрел его Кольт. Первые револьверы были крайне неудобны и не менее громоздки, чем их прадед, запечатленный на гравюре. На одно зарядение кольцовского револьвера надо было затратить не менее десяти-пятнадцати минут. Сначала в каждую каморку барабана насыпался порох, затем шомполом досыдалась пуля, а на затравочный стержень надевалась капсюль. В последующие годы револьвер усовершенствовали Лефшо, Вессон и др.

Отв. редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Зам. отв. редактора — Ю. А. ЭШМАН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. ДЗ-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А61693. Подписано к печати 28/X—42 г. Изд. № 819. Формат 72×110 см. 3 п. л. Заказ 2638.

Гараж 60 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.